

Француженка по соседству

Автор:

Лекси Эллиотт

Француженка по соседству

Лекси Эллиотт

Преступления страсти

Приготовьтесь потерять счет времени. Daily Mail

Роман полностью овладевает вниманием. Associated Press

Эллиотт проделала великолепную работу. Library Journal

Умный, захватывающий триллер. Booklist

Этот невероятный, взрывной роман расширил жанровые границы романтического триллера – что до сих пор казалось совершенно невозможным...

Шесть молодых друзей-англичан на отдыхе во Франции. И соседка-француженка, ставшая новым источником конфликтов для компании, и так находившейся на грани распада. Внесла сумятицу – и исчезла непонятно куда... Так они думали в течение десяти лет, пока не прогремела новость: скелет француженки Северин найден в колодце неподалеку от места, где они отдыхали. Убийцей может быть только один из них...

Лекси Эллиотт

Француженка по соседству

Lexie Elliott

The French Girl

Copyright © 2018 by Lexie Elliott. All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with The Berkley Publishing Group, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Оформление серии и переплета Андрея Саукова

Иллюстрация на обложке Вячеслава Коробейникова

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Самое поразительное, что я понимаю, оглядываясь в прошлое: она знала, что не нравилась мне, но ей было наплевать. Подобное самообладание в нежном возрасте девятнадцати лет вообще-то вещь неестественная. Или же вполне во французском духе. Она же была типичной француженкой. Француженкой до мозга костей.

Новость мне сообщил по телефону Том. Возможно, уже это должно было подсказать: тут что-то не так. Я не помню, когда он последний раз мне звонил. Это вовсе не значит, что мы с ним не общаемся: в отличие от большинства моих друзей-мужчин, он частенько пишет мне по электронной почте. Наверное, я тогда подумала, что он хочет сообщить мне радостное известие: например,

пригласит на вечеринку или на свадьбу – его свадьбу; в конце концов, они с Дженной помолвлены уже целую вечность...

Но он говорит:

– Кейт, ты помнишь то лето?

Семь лет в Бостоне не изменили его акцент: это по-прежнему моментально узнаваемый продукт лучшего английского образования, какое только можно купить за деньги. У меня в голове тотчас всплывает образ. Я вижу его таким, каким видела в последний раз два лета назад: ярко-голубые глаза на фоне загорелой кожи с веснушками, рассыпанными по крючковатому носу, взлохмаченные темные волосы, длинные, завивающиеся на концах. Вряд ли он выглядит так сейчас, после суровой зимы в Новой Англии, но образ в моей голове отказывается меняться.

Я точно знаю, какое лето Том имеет в виду: лето после окончания университета, когда мы вшестером провели идиллическую неделю на ферме во Франции. Идиллическую, или в основном идиллическую, или идиллическую отчасти... Ее трудно вспоминать объективно, так как Себ и я сразу же расстались. Я сразу выбираю легкомысленный тон:

– Тебе не кажется, что это похоже на шестидесятые годы? «Если вы их помните, значит, вас там не было».

Он игнорирует мое поддразнивание.

– Соседка...

– Северин. – От моего легкомысленного тона не остается и следа. И я больше не жду приглашения на вечеринку. Я закрываю глаза, я знаю, что именно вот-вот услышу. Воспоминание всплывает само, без всякого приглашения.

Северин, тоненькая и гибкая в крошечном черном бикини, ее загорелая, темно-коричневая кожа, такая гладкая на солнце. Она стоит, с вызовом отставив одну ногу, как будто готова уйти прочь, как только утратит интерес. Северин, которая без малейшего намека на улыбку, смягчившую бы эту ее суровую красоту,

представилась как «мадемуазель ваша соседка» и которая бесследно исчезла после того, как мы все шестеро вернулись в Британию.

– Да, Северин. – Том умолкает, и по телефонной линии пробегает короткая пауза. – Ее нашли. То есть ее тело.

Я молчу. Подумай я обо всем этом вчера – я же, разумеется, об этом не думала, – я сказала бы, что ее вряд ли когда-нибудь найдут. Но после резких слов Тома все внезапно кажется predetermined, как если бы все возможные пути вели именно к этому. Я представляю себе ее кости, чистые и белые после десяти лет, усмешку ее безупречного черепа. Она точно ненавидела бы ее, эту неизбежную улыбку смерти. Северин, которая никогда не улыбалась...

– Кейт? Ты меня слушаешь? – спрашивает Том.

– Прости, да. Где они ее нашли? – Ее? Был ли труп еще «ею»?

– В колодце, – говорит он без всякой утайки. – На ферме.

– Бедная девочка, – вздыхаю я. Бедная, бедная девочка... И затем: – В колодце? Но ведь это означает...

– Да. Должно быть, она вернулась. Французская полиция хочет снова поговорить с нами.

– Конечно. – Я тру лоб, но, вспомнив белый череп под своей теплой кожей, поспешно опускаю руку. Колодец. Этого я не ожидала.

– С тобой всё в порядке? – спрашивает Том, и в его голосе слышится тревога.

– Да. Просто я...

– Ты в шоке, – подсказывает он. – Знаю. – Кстати, в его собственном голосе никакого потрясения я не слышу. С другой стороны, у него наверняка уже было время привыкнуть к этой новости. – Ты скажешь Ларе? Я не уверен, что у меня есть ее номер.

– Да, я скажу ей, – говорю я.

Лара – моя самая близкая подруга, одна из тех шестерых. Полиция наверняка захочет поговорить со всеми нами – по крайней мере с пятерыми, что остались. Ведь Тео теперь вне юрисдикции любой полиции. Возможно, Том уже позвонил Себу и Каро или намерен это сделать... Наверное, я должна спросить, как они поживают, но я этого не делаю.

– Тебе придется прилететь из Бостона?

– Вообще-то я уже в Лондоне. Прибыл сегодня утром.

– Отлично! – Наконец-то хоть одно хорошее известие. – И надолго?

– Навсегда.

– Прекрасно. – Хотя есть в его тоне что-то странное, что можно заметить даже по телефону. – Дженна с тобой? – осторожно спрашиваю я, уже начиная подозревать, что знаю ответ.

– Нет. – Том громко выдыхает в трубку и неловко добавляет: – Так будет лучше.

Кстати, я полностью с ним согласна, но сейчас, похоже, этого лучше не говорить.

– Понятно, – решительно заявляю я. – Думаю, тебе стоит как-нибудь вечером появиться перед моей дверью с бутылкой вина.

– Скорее, с бутылкой виски.

– Приноси что угодно, а я приготовлю поесть. Не бойся, не отравлю.

Том смеется в телефон. Мне приятен его голос.

– Договорились.

Мне приходит в голову, что когда-то он смеялся чаще. Но тогда всем нам было по двадцать одному году, мы пребывали в молодости и беззаботности. Еще никто из нас не исчезал загадочным образом. Возможно, мы все тогда смеялись чаще.

* * *

Найдено мертвое тело, но жизнь продолжается. По крайней мере, для большинства из нас. Возможно, время останавливается для наших дорогих и близких, но, кто знает, вдруг оно остановилось для них десять лет назад, когда она внезапно пропала... Для нас, остальных, все как всегда, и для меня сегодня означает встречу с потенциальным клиентом. С весьма важным потенциальным клиентом: контракт с фирмой «Хафт и Вейл» помог бы моему едва оперившемуся бизнесу по подбору юридического персонала крепче встать на ноги. Я стою перед зеркалом в туалете моего офиса в Блумсбери, снятого на короткое время. На мне дорогой брючный костюм и сшитая на заказ шелковая блузка. Густые темные волосы зачесаны назад и собраны в аккуратный узел; неброская, аккуратно наложенная косметика подчеркивает зеленые глаза. Все вместе складывается в приятный портрет деловой женщины. Я улыбаюсь, проверяя, не застряли ли между зубами маковые зернышки от рогалика, который я ела на ланч. В моей голове тотчас возникает образ улыбающегося черепа Северин. Улыбки в зеркале как не бывало.

Я выхожу из туалета. Моя ассистентка Джулия поднимает голову от компьютера.

– Такси уже ждет, – сообщает она, вручая мне папку. – Всё на месте?

– Да. – Я быстро проверяю содержимое папки. Да, всё на месте. – А где Пол?

Пол – мой деловой партнер, непревзойденный хедхантер – «охотник за головами». Он здесь потому, что верит в меня и еще сильнее – в свою долю доходов, если все у нас пойдет хорошо. Я стараюсь держать в поле зрения его расписание деловых встреч. Если наш бизнес-план себя не оправдает, Пол здесь долго не задержится.

Джулия проверяет по компьютеру – одна рука лежит на мышке, другой она поправляет на носу очки.

– У него встреча с тем кандидатом на Флит-стрит.

– Ах да, – отвечаю я и снова быстро посматриваю папку.

– Кейт, – говорит Джулия, и в ее голосе мне слышится легкая досада. – Там всё на месте.

Я захлопываю папку.

– Знаю. Спасибо. – Делаю глубокий вдох. – Все хорошо. Увидимся позже.

– Удачи тебе. – Она было уже снова повернулась к компьютеру, как вдруг останавливается. – Тебе тут звонили. Думаю, тебе захочется ответить на звонок, когда ты уже сядешь в такси. – Взглядом ищет блокнот с телефонными сообщениями. – Ага, нашла. Каролин Хорридж. «Пожалуйста, перезвони». Она не сказала, по какому поводу звонит.

Каро. Звонила мне. Неужели?

– Ты шутишь.

Джулия смотрит на меня. Лицо ее серьезно.

– Если это шутка, то до меня она не дошла. – Она протягивает мне сообщение.

Я беру у нее листок.

– Мы вместе учились в университете, – поясняю, нахмурившись. – Я бы не сказала, что мы с ней близкие подруги. Последний раз я видела ее лет пять назад, на какой-то вечеринке... – Смотрю на телефонный номер, записанный аккуратным почерком Джулии, и удивленно говорю: – Ой, да ведь это же номер фирмы «Хафт и Вейл». В последнее время я набирала его так часто, что выучила наизусть.

– Может, она задумала прыгнуть с корабля?

Может быть. Какие еще могут быть у адвоката причины звонить в бюро по подбору юридического персонала? Но я с трудом представляю себе, чтобы Каро просила меня о помощи. Я сажусь в такси и думаю о призраках: о бедной мертвой Северин, о ее косточках, сложенных, словно меха аккордеона, чтобы поместиться в темном колодце; о бедном мертвом Тео, разорванном в клочья на поле боя; о Томе, каким он когда-то был, когда смеялся чаще; обо мне самой, какой когда-то была я; о Ларе, о Каро, о Себе... Всегда, всегда о Себе.

* * *

Мы познакомились с ним летом 2000 года, когда я окончила второй курс в Оксфорде. Мы с Ларой пробыли там уже достаточно времени, чтобы не чувствовать себя юными и наивными, но еще недостаточно долго, чтобы ощутить маячившую перед нами ответственность: никаких экзаменов в течение года, по крайней мере таких, какие шли в зачетку. Никакой необходимости до третьего курса думать о будущей работе. По мнению наших преподавателей, это был прекрасный год для того, чтобы заложить прочные основы знаний, необходимых для успешной сдачи экзаменов в следующем году. Мы же считали, что этот прекрасный год предназначен для того, чтобы подольше поваляться в постели после очередного загула в ночном клубе.

Нашим любимым занятием того лета было на халяву ходить по летним балам. Теперь такое с трудом укладывается в голове: нарядиться в коктейльное платье и без всякого билета прошмыгнуть в зал, чтобы, не заплатив ни пенни, без зазрения совести накачаться всем, что было в баре. Теперь, когда я слишком много размышляю на темы закона и права, я сочла бы это воровством. Тогда же это был своего рода спорт.

В любом случае нашей целью был не бал как таковой – в конце концов, все они были примерно одинаковы. Где-то лучше играл оркестр, где-то чуть короче очереди в баре, но в общем и целом все одно и то же. Нет, главной задачей было проникнуть туда без билета, ощутить приятное волнение от того, что мы обманули охрану, и безнаказанно смыться. Этот кайф значил куда больше, чем незаконно выпитый алкоголь.

В ту ночь, когда я познакомилась с Себом, нашей целью был бал в Линакре. Линакр – не самый богатый из оксфордских колледжей и не самый большой. Не было никаких оснований полагать, что там будет приличный бал. Главная

отличительная черта Линакра – это колледж магистрантов. В этом и заключался главный вызов. Они против нас, магистры против бакалавров, охранники против студентов. К тому же студентов пьяных, ибо перед тем, как брать штурмом этот бал, они уже провели военный совет дома у одного из студентов, жившего по ту сторону спортивного поля Линакра. Потому что на этом совете дешевое вино лилось рекой. Помню, как я пошла в туалет и споткнулась на моих высоченных шпильках. Я бы точно врезалась лбом в стену, но чьи-то незнакомые мне сильные руки поймали меня и не дали упасть. Мне тогда подумалось, что нам стоит отправиться в Линакр до того, как все мы уьемся в стельку, иначе мы не только не перелезем через стену, но и не преодолеем поле.

И тогда мы пошли туда. Гуськом вышли из недавно построенного дома и собрались на спортивной площадке. Темноту время от времени озаряли вспышки света из колледжа, до которого было метров двести. Трава на миг становилась изумрудно-зеленой, а ворота для игры в регби отбрасывали через все поле невероятно длинные тени. Кто-то взялся на военный манер отдавать приказы. Это жутко рассмешило Лару. Захихикав, она споткнулась и, чтобы не упасть, схватила меня за локоть. Повертев головой, я с удивлением увидела, что уже тридцать или сорок наших студентов берут Линакр штурмом. Мы с Ларой оказались в одной группе с теми, кого мы почти не знали. Хотя в темноте было плохо видно, там имелось как минимум двое парней с определенным потенциалом. Лара тотчас переключила на них все свое внимание, а ее улыбка мгновенно прибавила в ваттах.

Впрочем, времени, чтобы пустить в ход ее магию, у нас не было – нам предстоял штурм. План сработал благодаря численности наших рядов. Мы шли на приступ волнами, быстро перебегая поле человек по десять-двенадцать – и как только мы умудрялись делать это на шпильках? Не знаю как, но, видимо, смогли. Если призадуматься, то как Лара умудрилась при этом не порвать свое узкое платье в обlipку? Лично я свое была вынуждена задрать едва ли не до трусов. Помню, как по жилам струился смешанный с алкоголем адреналин. Вокруг меня раздавались боевые выкрики и какие-то невнятные вопли. Время от времени огни высвечивали бегущую по полю орду в вечерних нарядах. Добежав до стены Линакра, мы с Ларой сделали передышку, насколько это позволяло хихиканье, с которым мы обе никак не могли совладать. Наверное, это и помогло нам пробраться внутрь. Охранники были заняты тем, что разбирались с первой волной захватчиков, преодолевших стену. Когда мы забрались на стену, я потеряла Лару из виду. Мне жутко мешали совершенно не подходящие для этого платье и обувь. Я вскарабкалась уже почти до самого верха, когда чья-то протянутая рука и широкие плечи помогли мне преодолеть последние

сантиметры. В темноте я сумела разглядеть непослушные темные волосы и блеск белых зубов под горбатым носом. Схватив протянутую руку, которая довольно бесцеремонно дернула меня вверх, я оказалась на стене как раз в тот момент, когда, ослепив меня, блеснула очередная вспышка. Беспомощно заморгав, я попыталась поблагодарить моего помощника, а заодно вернуть себе устойчивость и зрение.

– Прыгай! – крикнул кто-то снизу. Я едва расслышала его из-за бьющей по ушам музыки. – Я тебя поймаю.

Я оглянулась на моего спасителя. Тот кивнул и жестом указал на стоявшего внизу парня в вечернем костюме. На мое счастье, свет вспыхнул снова, и я посмотрела в бездонно-голубые глаза. Себ. Ну конечно, это был Себ.

Я прыгнула. Он меня поймал.

* * *

Примерно посередине моей встречи с мистером Гордоном Фарроу, старшим партнером юридической фирмы «Хафт и Вейл», когда тот, глядя куда-то вправо от меня, в сотый раз перекладывает бумаги, я понимаю, что сделка уплывает из моих рук. Вскоре после этого, пытаясь объяснить ему достоинства моей фирмы перед нашими более именитыми конкурентами, я понимаю, что никаких шансов у меня не было с самого начала. Я нужна ему лишь для отвода глаз – конкурент, приглашенный лишь для сравнения, дабы убедиться: фирма, на которую пал их первоначальный выбор, действительно того стоит. Я умолкаю на середине предложения и вместо этого быстро кладу в рот овсяное печенье. Спустя пару секунд мистер Гордон Фарроу это замечает и впервые пристально смотрит на меня.

– Что-то не так? – спрашивает он.

Я поднимаю вверх палец и дожевываю печенье. Он терпеливо смотрит на меня, вопросительно выгнув брови.

– Нет, – отвечаю я, проглотив печенье. – Просто я только что поняла, что понапрасну трачу и ваше время, и свое, так как вы уже приняли решение. Мне

понятны ваши мотивы, вы пригласили меня сюда для сравнения, но если это так, то я лучше угощусь вашим печеньем и выпью вашего чая, чем буду из кожи вон лезть, расхваливая сделку, которой мне никогда не видать.

В его глазах вспыхивает нечто вроде одобрения. Внешне он ничего собой не представляет: среднего роста, волосы с проседью, не тощий, не толстый, не слишком мускулистый, но для человека, которому хорошо за пятьдесят, в целом в неплохой форме. На нем хорошо сшитый костюм, но ничего яркого или необычного, что бросалось бы в глаза. Говорят, что самое яркое в нем – это его интеллект, но пока что он мне его не продемонстрировал.

– Вы всегда говорите, что думаете? – спрашивает Фарроу пару секунд спустя. Я отмечаю про себя, что он не опроверг того, что пригласил меня лишь для сравнения.

– Все реже и реже, по мере того как становлюсь старше, – отвечаю я с легкой улыбкой. – Слишком рискованная стратегия. И хотя я обязана ей многим самым лучшим вещам в моей жизни, – здесь я морщусь, – но одновременно и самым худшим.

Он улыбается моим словам.

– И что вы считаете одной из самых лучших вещей в вашей жизни?

– Учебу в Оксфорде, – отвечаю я, не задумываясь.

Он вопросительно смотрит на меня. Его глаза снова блестят.

– Это почему же?

– Такие, как я, обычно в Оксфорд не поступают. Учеба в нем открыла для меня новые горизонты. Я имею в виду не только перспективы работы. Оксфорд открыл для меня пути и возможности, о которых я даже мечтать не могла, поступи я куда-то еще.

– Моя дочь училась в Оксфорде, – говорит Фарроу. – Интересно, скажет ли она то же самое?

– Думаю, все зависит от ее социального окружения и ее личности.

Он с кислой улыбкой пожимает плечами:

– Каро попадает в категорию типичной кандидатки в Оксфорд.

Я растерянно моргаю.

– Надеюсь, это не Каро Хорридж? – Ну конечно же нет, ведь его фамилия Фарроу.

– Она, – удивленно отвечает он. – Вы ее знаете?

– Мы вместе учились.

Внезапно он становится весь внимание, что слегка меня нервирует.

– И как вы думаете, сказала бы Каро, что учеба в Оксфорде – одна из лучших вещей в ее жизни?

Каро такой вопрос просто не пришел бы в голову. Потому что для нее Оксфорд – это единственный уготованный ей путь.

– Видите ли... – уклончиво начинаю я. – Мы не были особенно близки.

Его губы кривятся в улыбке:

– Не желаете следовать рискованной стратегии?

– Как я уже сказала, с возрастом я следую ей все реже и реже, – с улыбкой отвечаю я.

Уголки его рта ползут вверх, но затем он смотрит на часы.

– Что ж, мисс Ченнинг, я уверен, что такой прямолинейный человек, как вы, простит мне мою откровенность. Да, я пригласил вас для сравнения. Мне

нравится ваш бизнес, мне понравилась ваша рекламная брошюра, которую вы прислали, и ваши гонорары вполне разумны, однако мне было бы весьма трудно убедить комитет, почему я выбрал именно вас, поскольку вы пока еще не сделали себе имя. Я не уверен, что мне есть смысл ввязываться в эту борьбу.

– А что могло бы заставить вас пересмотреть вашу позицию? Уменьшение гонорара?

Фарроу поджигает губы:

– Возможно, но даже этого, пожалуй, было бы недостаточно. Вы пока...

– ...Не сделали себе имя, – заканчиваю я за него.

Он печально кивает.

– Тем не менее мне было приятно с вами познакомиться. – Его глаза улыбаются, он тотчас делается на десяток лет моложе. Но я не вижу ни малейшего сходства с Каро.

В такси я записываю свои мысли по поводу встречи на карманный диктофон, чтобы Джулия потом их отпечатала для меня. Потом звоню Ларе и в течение пяти минут жалуюсь ей на себя, любимую, – мол, какая же я была дура, бросив хорошо оплачиваемую работу, чтобы основать собственную фирму, которая в любом случае через полгода обанкротится, и никто после такой чудовищной ошибки никогда снова не возьмет меня на работу, и так далее в том же духе. Лара слышала все это и раньше – и даже не считает нужным отвечать мне.

– Всё? Закончила? – спрашивает она, когда из меня наконец выходит пар.

– Пока – да. Приезжай ко мне сегодня. Возможно, я снова начну выносить тебе мозг моими жалобами, но, по крайней мере, обещаю предварительно угостить тебя карри и хорошим вином.

Лара хихикает. Собственно, это все, что мне нужно.

– Извини, – говорит она, зевая. – Но сегодня я никакая. Может, перенесем на завтра?

– Никакая? Живо признавайся, чем это ты занималась вчера вечером! – Я не помню, чтобы она говорила мне про какое-то свидание, но Лара снимает мужчин с той же легкостью, как остальные из нас покупают газеты. Кстати, с той же легкостью она и выбрасывает их, когда они ей надоедают. Она всегда была бесстыдно и беззастенчиво неразборчивой, но... в этом она вся.

– Вчера вечером я познакомилась кое с кем в пабе. Так, разнообразия ради.

– Везет, – говорю я, не в силах скрыть зависть в голосе. Не уверена, познакомилась ли я с кем-то в пабе «разнообразия ради». Да что там, я не помню, чтобы на меня вообще кто-то обращал внимание. Не считая Себа.

– Кейт, – говорит Лара, и я слышу в ее голосе улыбку. – Сколько раз я говорила тебе: к черту твои моральные стандарты. И тогда у тебя все будет, вот увидишь.

– Возможно, – отвечаю я, хотя вовсе так не думаю. С внешностью у меня всё в порядке – хороший рост, стройная, густые волосы и, как мне все говорят, красивые глаза. Но ничто из этого не привлекает мужчин так, как привлекает их цветущая красота шведских кровей, веселая улыбка и отсутствие комплексов по части секса.

– Значит, завтра у тебя? – уточняет Лара.

– Отлично. – Я уже собираюсь нажать на отбой, когда вспоминаю, что еще не сказала ей про тело. Про Северин. – Погоди... мне звонил Том.

– Как он там? Вернулся в Лондон?

– Вообще-то да, но звонил он по другой причине. Дело в том, что... – Я сглатываю комок. – Наконец нашли тело. Я про Северин. Ее нашли в колодце на ферме, – быстро договариваю я.

– О господи! – убитым голосом отвечает Лара. – Какой ужас! Хотя теперь ее родителям, возможно, станет легче. Они считают, что это тот самый бойфренд, о

котором она все время говорила?

– Думаю, да. – Это был очевидный вопрос, но я не задумывалась о том, как Северин попала в колодец. Или кто засунул ее туда. Даже сейчас мой мозг избегает таких вещей. – Не знаю. Том говорит, что французская полиция захочет снова допросить всех нас.

– Неужели? – Я почти слышу, как Лара строит гримасу.

– Возможно, такова процедура. В конце концов, мы последние, кто ее видел и разговаривал с ней до того, как она ушла в город и не вернулась. – Похоже, она вернулась, раз ее тело нашли в колодце. Думаю, это и есть новая информация.

– И все же это наверняка ее бойфренд. Не хочу показаться бесчувственной, но я надеюсь, что это не займет много времени. Мы сейчас так жу-у-утко заняты на работе... – Лара снова зевает в трубку. – Думаю, это объясняет, почему Каро усиленно пытается меня перехватить.

– И тебя тоже? – А вот это неожиданность. Если на то пошло, Каро любит Лару даже меньше, чем меня. – Она оставила мне сообщение, но я ей пока не перезвонила. Не иначе как она знала, что Том сообщит нам. И вряд ли стала бы нам об этом звонить.

– Есть только один способ выяснить это. – Лара зевает в третий раз. – Пистолет. Ты стреляешь первой, – игриво добавляет она.

– Ну хорошо, – неохотно соглашаюсь я. – Я ей позвоню. – Я, как и Лара, не горю желанием разговаривать с Каро, но, возможно, мне есть смысл выяснить, что ей надо, и чем раньше, тем лучше. Если Каро чего-то хочет, то ее уже не остановить.

Глава 2

Северин где-то рядом.

Сначала это не более чем чувство, некое присутствие, которое притаилось внутри меня, вне поля моего зрения. Я объясняю это нежеланными воспоминаниями, которые прорвались к поверхности моего сознания, разбуженные известием о находке ее тела. Но Северин этого недостаточно. Однажды утром я нахожу на кухонном столе ее выцветшие до белизны кости, аккуратно сложенные в кучку, поверх которой будет улыбаться ее череп. Если поморгать, они никуда не денутся, хотя я знаю, что их там нет. В другой раз она дает о себе знать полнокровной версией – загорелая кожа, скрытый взгляд, потрясающее отсутствие улыбки. Вслед за ней накатывается целая волна воспоминаний, зловонных и влажных от долгого лежания. Стоит дать слабину, и они утянут меня вниз, в их гнилостные глубины... Но я нарочно не желаю сдаваться. Вместо этого звоню Каро.

– Каролин Хорридж, – бодро произносит она сразу после первого гудка. Я представляю себе, как Каро сидит за рабочим столом в офисе фирмы «Хафт и Вейл» и ее упругая фигура облачена в строгий деловой костюм. У нее всё знает свое место – каждый волосок на голове, каждая бумажка на столе.

– Привет, Каро, это Кейт. – Молчание. – Кейт Ченнинг, – добавляю я сквозь стиснутые зубы. Это классическая стратегия Каро – вынуждать меня представляться полным именем. Можно подумать, она ждет звонка от какой-то другой Кейт, говорящей с сильным северным акцентом.

– Ах, Кейт! – изображает она радушие. – Господи, как же давно я тебя не слышала... Спасибо, что перезвонила.

– Мне нетрудно. – Я чувствую, как мои щеки сводит от фальшивой улыбки. Кто-то сказал мне, что если улыбаться, разговаривая по телефону, то собеседник поймет это по вашему голосу. По всей видимости, не важно, искренняя улыбка или нет. В мои планы не входит настраивать против себя дочь человека, который мог бы дать мне мой первый крупный контракт. Впрочем, случайно возможно все. – Как твои дела?

– Прекрасно, – бодро отвечает она. – Правда, я жутко занята. Хотя, учитывая состояние рынка, на это грешно жаловаться. А как ты?

– Так же. Все хорошо, куча дел. – Правда, не столько, сколько хотелось бы, что становится очевидно, стоит посмотреть на экран компьютера, на котором висит

мое расписание на неделю – полупустое. Но ей не обязательно это знать.

И вновь молчание. Я жду, когда она перейдет к теме разговора.

– Как я понимаю, Том уже сообщил тебе?

– Да. Не самое радостное известие. – Моей улыбки как не бывало. Череп с пустыми черными глазницами вместо глаз все еще ждет меня где-то на границе сознания.

– Ты имеешь в виду Дженну или ту девчонку?

Я резко втягиваю в себя воздух. Неужели она намекает, что убийство и разрыв помолвки – равнозначные вещи? Но Каро продолжает говорить:

– Это всегда был лишь вопрос времени. Ничего другого никто и не ожидал.

– Северин, – говорю я. Кости требуют, чтобы их назвали по имени. Неплохо было бы, если б они предъявили требования кому-то еще.

– Что?

– Ее звали Северин. – Мы с Каро не поговорили еще и минуты, как я уже теряю терпение. Вновь приклеиваю к губам фальшивую улыбку.

– Да. – Каро вновь на миг умолкает. – В любом случае я звоню тебе вот почему. Мне тут подумалось: а не устроить ли нам для Тома что-то вроде встречи старых друзей? Думаю, после всей этой истории с Дженной ему довольно паршиво на душе. И если мы соберемся всей нашей старой оксфордской компанией и пропустим по поводу его возвращения пару бокальчиков, думаю, это будет самое то. Как тебе следующая пятница у меня дома? Оттуда всегда можно перейти куда-нибудь на Кингс-роуд, если кому-то захочется продолжить это дело и дальше.

– Неплохая идея, – невнятно отвечаю я. Но это действительно неплохая идея. Если честно, я от Каро такого не ожидала.

– Не надо удивляться, – сухо говорит она. – В конце концов, я практически выросла вместе с Томом и Себом. Жду не дождусь, когда увижу в Лондоне обоих.

– Обоих? И Себа тоже? – Слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю поймать их за хвост.

– Разве ты не в курсе? – Теперь я слышу улыбку в ее голосе – насквозь самодовольную. Если Каро пыталась выяснить, поддерживаем ли мы с Себом отношения, то я попала в ее сети. – Себ возвращается. Судя по всему, Нью-Йорк Алине не покатил. – Алина. Его жена. Они женаты как минимум три года. – Но он к пятнице не успеет. Когда вернется, придется устроить еще одну встречу старых друзей.

– Разумеется. Прекрасно. – Я более чем на сто процентов уверена, что в тот вечер буду занята.

– Так ты придешь? В следующую пятницу?

– Сейчас посмотрю. – Я быстро перелистываю мой электронный ежедневник, хотя отлично знаю, что в тот вечер я свободна. Возможно, это сработает так же, как и фальшивая улыбка. – Так, одну минуточку... Да, я смогу. Спасибо.

– Прекрасно. Можешь сделать мне одно одолжение и передать Ларе? Я все никак не могу до нее дозвониться. Не сомневаюсь, что вы с ней по-прежнему два сапога пара.

– Это точно, и оба на одну ногу, – отвечаю я, после чего спешу добавить прежде, чем она воспримет мой ответ как насмешку, хотя кто знает, может, это и есть насмешка: – Хорошо, я ей передам.

– Отлично. Я по электронной почте пришлю тебе свой адрес. В общем, до следующей пятницы.

Я кладу трубку и пару секунд тупо смотрю на экран компьютера с моим полупустым расписанием. Возможно, Каро просто была любезна со мной и никаких тайных планов у нее нет. Лара, когда я ей об этом скажу, наверняка так

и подумает. Но Лара живет в мире, где за углом всегда светит солнышко. Прекрасная идея, как Санта-Клаус или Зубная Фея, однако требует некоторых усилий по подавлению сомнений. Я родилась куда более подозрительной.

Северин по-прежнему где-то рядом.

* * *

В день, когда у Каро назначена вечеринка, происходят две вещи. Мне звонят из фирмы «Хафт и Вейл» – вернее, звонит секретарша мистера Фарроу, – и мне звонят из полиции.

Секретарша Фарроу звонит, чтобы договориться о ланче во вторник, что есть полная бессмыслица, если только фирма, которую он предпочел мне, не отказалась. Я в течение всего дня пытаюсь подавить волнение, поскольку уверена, что из этого все равно ничего не выйдет, и одновременно тщательно просчитываю, насколько можно будет после этого повысить расценки. Меня жутко изматывает это упражнение по примирению двух взаимоисключающих вероятностей.

По сравнению с этим звонок из полиции тревожит меня куда меньше – по крайней мере, пока. На следующей неделе французские детективы на пару дней пересекут Ла-Манш, чтобы поговорить со мной. Будет ли у меня время для встречи с ними? Я снова смотрю на свое худосочное расписание. В нем слишком много пустого места. Северин запросто может шагнуть туда и, раскинув в стороны свои тонкие загорелые руки, застолбить территорию. Не считая ланча во вторник и еще пары-тройки встреч по поводу двух ничтожных контрактов, свободного времени у меня хоть отбавляй. Что бы я ни делала весь день, его у меня всегда хоть отбавляй, что не может не вгонять в депрессию. К тому моменту, когда мой рабочий день заканчивается, я ловлю себя на том, что не отказалась бы выпить.

Том, Лара и я договорились заранее встретиться в баре недалеко от дома Каро. Вместе веселее и надежнее. Я вхожу в бар с дождя, отряхиваю зонтик и выискиваю глазами Тома. Хотя народа много, я тотчас замечаю у стойки его высокую фигуру. Наверняка он тоже вошел недавно. Капли дождя блестят на его темных волосах, словно крошечные кристаллики. Кстати, волосы у него снова слишком длинные и уже начали завиваться на концах. Когда-то он был

больше похож на Себа, думаю я. Или же это я нарочно развожу их сейчас в разные стороны.

– Мне водку с тоником, – говорю я, проскальзывая в пустое пространство рядом с ним.

Том оборачивается ко мне и расплывается в счастливой улыбке.

– Кейт! – Он притягивает меня к себе и заключает в объятия. Том не любитель двойных лондонских поцелуйчиков. И – хотя я это прекрасно знаю, это не перестает меня удивлять – он мастер по части объятий. Том обнимает меня, и я чувствую, что тоже улыбаюсь. Причем совершенно искренне.

– Я так рада видеть тебя, – говорю я ему куда-то в шею. Он пахнет смесью дерева и пряностей.

– А я тебя. – Том отстраняется, чтобы посмотреть на меня. Его довольная улыбка по-прежнему на месте. А вот веснушек больше нет, как нет и загара. Похоже также, что в последнее время он стал чаще наведываться в «качалку». Но в целом передо мной тот же Том, и это успокаивает меня. – Ты хорошо выглядишь.

– Десять шестьдесят, – нетерпеливо прерывает нас бармен, ставя рядом с кружкой пива мою водку с тоником.

– О господи, – бормочет Том, вытаскивая бумажник. – Стоит мне приехать в Лондон, как цены сразу удваиваются.

– В таком случае тебе лучше не уезжать отсюда, хотя бы ради моего счета в банке. – Я улыбаюсь и беру свой стакан. – Пойду поищу столик. Кстати, Лара запаздывает.

Бар набит битком, так что найти столик только для нас одних невозможно, зато я отыскиваю два свободных места в углу бара, и мы, словно заговорщики склонив головы, чтобы нам не мешал шум, за пять минут пытаемся восполнить то, что пропустили за два года. Северин здесь не нравится – тут слишком тепло, тут бурлит жизнь.

– Как жаль, что все так получилось с Дженной, – говорю я спустя какое-то время. Мне действительно жаль, хотя, если честно, они никогда не подходили друг другу. – У меня не было возможности узнать ее лучше, когда мы приезжали к вам в гости, но мне всегда казалось, что она... – Я подыскиваю нужное слово. И не нахожу. – Что она девушка серьезная, – заканчиваю я за неимением лучшего.

Холодные серые глаза Дженны подмечали все. Мы с Ларой всегда были рады видеть Тома снова, нам обеим нравилось в Бостоне, но я была более чем уверена, что легкий прищур в уголках глаз Дженны разглаживался лишь тогда, когда мы уже были на пути в аэропорт.

Том на мгновение кривит губы и вращает в длинных пальцах бокал с пинтой пива.

– Когда вы приезжали ко мне, она была не в лучшей своей форме. Вообще-то она очень милая, просто... – Он умолкает.

– Я знаю. Лара – та еще гостья...

– Лара? – Том недоуменно поднимает глаза от кружки с пивом.

– Она – потенциальная угроза для любой девушки, даже если ваш бойфренд с ней не спал, – сухо добавляю я. Неужели он считает, что, будучи в Бостоне, я не замечала, как они с Дженной уединялись в коридорах и уголках и что-то тихо и быстро говорили друг другу? Я как сейчас вижу их: Дженна резко жестикулирует правой рукой, пальцы Тома нервно пробегают по волосам. – Или ты не ставил Дженну об этом в известность?

Когда-то – во время пресловутой недели во Франции – у Тома с Ларой был роман, легкая интрижка, или как она там это называла. По ее словам, ничего серьезного между ними не было. Том утверждал то же самое, хотя у меня на его счет имелись сомнения. Которые лишь усилились во время нашего приезда в Бостон. Не зря Дженна была такой холодной. Жены и подружки чувствуют такое нутром.

– Нет, я ей не говорил, да и Лара не была проблемой, – отвечает он с легким раздражением и вздыхает: – Да и вообще, какая разница. Просто мы с ней... Как бы это сказать... я не представлял нас вместе через пятьдесят лет. Не знал, как

это будет смотреться. Вскоре я поймал себя на том, что вечером спешу в «качалку», а не домой.

– Пятьдесят лет, – язвительно замечаю я. – Лично мне хотелось бы знать, что будет через полгода. Или даже сегодня вечером. – Я морщусь и делаю очередной глоток.

– А вот это ты зря, – усмехается Том. – Вот увидишь, Каро будет на высоте. Радушная хозяйка и все такое прочее.

– Хотелось бы, – уклончиво отвечаю я. – Кстати, пока не забыла. Ты случайно не знаешь, почему у Каро с ее отцом разные фамилии? Знаю, ее родители в разводе, и все же...

– Там был поток взаимных обвинений. – Том делает глоток пива и отворачивается, вспоминая. – Насколько мне известно, у Гордона был роман на стороне, и Камилла – мать Каро – приняла это слишком близко к сердцу. Она была в ярости, хотя то была такая спокойная, я бы даже сказал, бесстрастная ярость. – Он хмурит брови, пытаясь подобрать правильные слова. – Камилла была зла на Гордона не столько потому, что он изменил ей, а потому, что нарушил ее идеальную жизнь. Как бы то ни было, Каро встала на сторону матери. Ей тогда было лет тринадцать. Она официально сменила фамилию отца на девичью своей матери. Хотя, по правде сказать, сделать это ее науськала мать. – Том печально кривит губы: – Если честно, мне всегда было жаль Гордона. Будь у меня такая жена, как Камилла, я завел бы роман на стороне даже еще раньше, чем он.

– С ней так трудно?

– Дело даже не в этом. – Он пожимает плечами, подыскивая верное слово. – Она бездушная. Ей невозможно угодить. У Каро такой же острый язычок, но она, по крайней мере, умеет посмеяться. – Том смотрит на меня, вопросительно подняв брови, как будто ждет, что я сейчас отпущу по этому поводу язвительное замечание. Однако я этого не делаю, отчасти потому, что он прав. Каро действительно умеет посмеяться – даже я вынуждена признать, что с чувством юмора у нее всё в порядке. Но того, что поведал мне Том, я раньше не знала. Это слегка меняет картину.

– В любом случае ей тогда пришлось нелегко. Именно поэтому мы с Себом, – Том бросает на меня быстрый взгляд, – начали проводить с ней больше времени. Думаю, ей просто требовался предлог, чтобы не сидеть дома.

Себ. Обычно при мне Том старается не упоминать его имени. Что нелегко, потому что они не только лучшие друзья, но еще и кузены. Однако он пытается. Я делаю каменное лицо.

– Ее отец все еще с той женщиной? Ну, с которой у него был роман?

Том качает головой:

– Нет. Каро заявила, что в таком случае она откажется его видеть. И он был вынужден уступить ей.

Мне требуется пара секунд, чтобы осознать это: ребенок, диктующий условия собственному отцу. Вообще-то детям не положена такая власть, и на это есть причины. Интересно, как он себя чувствовал, вернее, они оба? Но Том продолжает говорить:

– Знаешь, мне до сих пор не дает покоя вопрос: чья это была идея – ее собственная или матери? Мои родители всегда считали это огромной несправедливостью. По их мнению, Гордон и та женщина были бы счастливы вместе. Но Каро была непреклонна, и... – Он пожимает плечами – Продолжение тебе известно.

– Странно, что она работает в его фирме.

– Это точно. Я даже не знал, что и думать, когда выяснилось, что она работает в «Хафт и Вейл». – Том хмурится, как будто силится разгадать головоломку. – Ведь ей наверняка поступали приглашения и от других фирм. – Том одним глотком допивает пиво и смотрит на пустую кружку. – Ну что, еще по одной? И долго нам еще ждать Лару?

– Думаю, что нет. Кстати, вот она.

Лара стоит в дверях и выискивает нас глазами. Половина бара таращится на нее. Я машу ей рукой, чтобы она нас заметила. Наконец Лара замечает. Ее лицо тотчас озаряет улыбка, и она направляется к нам.

– Том! – восклицает она и обнимает его. – Ты только посмотри на себя... У тебя есть работа или ты только и знаешь, что зависишь в «качалке»?

Он смеется и встает с табурета, предлагая ей свое место.

– Ты в своем репертуаре: остра на язык и, как всегда, сногсшибательно хороша.

– У меня как минимум шесть фунтов лишнего веса. Но поскольку он сосредоточен в моих сиськах, то меня это особенно не волнует, – самодовольно заявляет она и опускает пятую точку на предложенный ей табурет.

– Лара, это как понимать? Ты в баре всего полминуты и уже завела разговор о сиськах? – поддразнивает ее Том. Это дружеское заигрывание мне хорошо знакомо, но внезапно я обращаю на него внимание. Изменился контекст. Том теперь холост. Не скажу, чтобы меня это сильно напрягает, но если эти двое станут парой, это многое изменит. Меня же устраивает нынешнее положение вещей.

– В таком случае предлагаю тему пострашнее. Скажите, вам сегодня звонили из полиции? – спрашивает Лара.

Северин мгновенно протягивает сквозь время руку и тянет меня к себе. Одета в длинную черную льняную тунику, она с нарочитой элегантностью опускается в кресло рядом с бассейном и закидывает одну ногу на другую. За изящной загорелой икрой следует не менее изящная стопа, которую завершают пальчики с выкрашенными розовым лаком ногтями. Северин помахивает ногой, легкомысленно болтая сандалией. Взгляд Себа прикован к этой сандали.

Я быстро допиваю свою водку с тоником и заставляю себя вернуться в настоящее. Том кивает:

– По поводу беседы на следующей неделе? Да, звонили.

– Мне тоже. Хотя, если честно, даже не представляю, чем мы можем помочь спустя десять лет, – добавляю я едва ли не с вызовом. – Лично я ничего не помню.

– И я тоже, – говорит Лара. – Интересно, он будет тот же? – Ее лицо принимает странное выражение.

– Он – это кто? – спрашиваю я, сбита с толку.

– Детектив. Правда, их во Франции называют иначе... Следовательно, если не ошибаюсь. Офицер юриспруденции, или как они там говорят.

– Это вряд ли, – отмахивается Том. – Сколько ему тогда было? Под шестьдесят? Он уже наверняка на пенсии.

– Смотрю, вы двое уже допили свое, – говорит Лара, резко меняя тему. – Давайте я закажу нам всем еще по стаканчику?

Я морщусь и качаю головой:

– Так, может, нам пора набраться мужества и двинуть дальше?

– Это из «Макбета»? Ты не находишь, что это слишком пафосно? – со смехом протестует Том. – Не волнуйся. Тем более что вы двое будете вести себя безупречно. – Он смотрит на нас обеих шутливо-грозным взглядом, причем на меня даже строже, чем на Лару.

– Какой, однако, наивный оптимизм, – говорит та, кокетливо помахивая ресницами. – Обожаю таких мужчин.

Любопытно, любопытно...

* * *

Дома у Каро пахнет ванилью. Чуть позднее я замечаю источник запаха – дорогие свечи, расставленные по всей квартире. В таких обычно три фитиля, и стоят они

больше, чем обед с вином на двоих в хорошем ресторане. Восхитительный аромат, приятное освещение и уютное тепло после противного дождя на улице – все это, вместе взятое, создает расслабляющую рождественскую атмосферу, хотя на дворе уже март.

Дверь гостям открывает пара девочек-подростков с густо подведенными глазами. Они забирают пальто и наливают шампанское. Все это ужасно по-взрослому.

Когда мы приезжаем к Каро, у нее уже собралось человек двадцать пять. Быстро окинув их взглядом, я узнаю нескольких и еще столько же, чьи лица мне знакомы, но я не знаю их по имени; все они из наших оксфордских деньков. Затем замечаю Каро – на ней строгое черное мини-платье и совершенно отпадные черные замшевые ботильоны до щиколотки. Пепельные волосы зачесаны ото лба назад. Стройная, белокурая, тонкокостная – классический собирательный портрет английской голубой крови. В Оксфорде я едва не утонула в пучине таких, как она, прежде чем научилась плавать. Главное – барахтаться.

– Расслабься, Кейт, – с улыбкой шепчет мне Том.

Я демонстративно набираю полную грудь воздуха и медленно выдыхаю. Глядя на мой мини-спектакль, он щурит голубые глаза – они почти такие, как и у Себа, только, скорее, серо-голубые.

Заметив, что мы вошли, Каро прерывает беседу и, сияя улыбкой, которая распространяется по всему ее лицу, быстро направляется к нам, вернее к Тому. Она еще худее, чем я ее помню, и, конечно, старше – как и все мы, – но у Каро эти годы отгрызли даже последние намеки на мягкость. Она кажется высохшей и хрупкой. Я пытаюсь представить ее тринадцатилетней девочкой, какой она когда-то была, искавшей убежища в дружбе с Томом и Себом, однако у меня никак не получается. И все же слова Тома упорно преследуют меня и даже загоняют в угол, где я понимаю, что моя антипатия к Каро не делает мне чести. Ведь, по идее, я должна ей симпатизировать: это сильная, умная, амбициозная женщина, работающая в той сфере, где по-прежнему доминируют мужчины. Она остроумная, веселая, она нравится Тому, что тоже немаловажно, и все же... и все же... Ее ум слишком острый. Он режет. По крайней мере, так было когда-то.

– Том! Наш почетный гость! – восклицает Каро и целует его в обе щеки. Я замечаю, что он даже не пытается ее обнять. Затем она поворачивается к Ларе и ко мне. Лара достаивается поцелуев первой. – Сколько лет! Ты... ты совсем не изменилась.

Лара бормочет в ответ что-то ни к чему не обязывающее. Затем наступает моя очередь:

– Привет, Каро. – Я послушно подставляю обе щеки. Шпильки ботильонов добавляют ей роста. Тем не менее оба раза ее губы целуют воздух.

– Кейт, – говорит она, ртом изображая улыбку, хотя ее глаза остаются холодными. – Я слышала, ты встречалась с моим отцом.

– Да, – мямлю я. Если честно, я слегка удивлена, что она подняла эту тему. – Вообще-то у нас на следующей неделе запланирована еще одна встреча.

Она слегка щурится, но затем с воодушевлением кивает и говорит:

– Великолепно. Я еще несколько недель назад говорила ему, что он не пожалеет, если даст тебе шанс.

– Спасибо, – растерянно благодарю ее я. – Это так любезно с твоей стороны.

По крайней мере, это было бы любезно, будь это правдой. Я на все сто процентов уверена, что Каро лжет. Ее отец точно бы знал, что мы с ней знакомы, если б она замолвила перед ним словечко.

– Ах, не стоит благодарности, – отмахивается она. – В нынешнем экономическом климате не так-то легко начать свое дело. Скажите лучше, как вы все смотрите на то, чтобы выпить? И – пойдем, присоединимся к компании. – Каро берет Тома под руку и тянет его прочь. Я вижу, как она с хитрой улыбкой привстает на цыпочки, чтобы что-то шепнуть ему на ухо. Том громко смеется в ответ. Вскоре он уже стоит в плотном кольце гостей; следует энергичный обмен дружескими приветствиями и похлопываниями по спине. Лица троих или четверых мужчин мне смутно знакомы, но не более. Десять лет нанесли невосполнимый урон их физическому облику – кто-то полысел, кто-то отрастил брюшко.

Мы с Ларой попиваем шампанское и общаемся с гостями. Чаще всего незнакомые лица – это вторые половины знакомых мне людей. Приходят новые гости. Музыка становится более жизнерадостной. Уровень громкости разговоров и смеха резко идет вверх. Мы снова пьем шампанское, наносим небольшой урон подносам с закусками. Я окидываю взглядом квартиру: такие хоромы, да еще в этой части Лондона, стоят целое состояние. Интересно, это отец помог ей их купить, и если да, то как уживаются между собой отказ взять его фамилию и согласие получить финансовую помощь?

Затем Каро снова присоединяется к нам:

– Жутко извиняюсь, но у меня даже не было возможности поболтать с вами. Но вы и сами знаете, как это бывает, когда устраиваешь вечеринку, – не успеваешь толком поздороваться с человеком, как вас уже тянут прочь. – Она закатывает глаза, как если бы это был тяжелый труд, хотя на самом деле она в своей стихии. Вечеринки – это по ее части.

– Смотрю, сколько народу пришло, – говорит Лара и поднимает за нее бокал шампанского.

– Ты тоже заметила? – Каро обводит взглядом комнату и довольно улыбается. Затем снова поворачивается к нам: – Не хотелось бы говорить о неприятных вещах, но, как я понимаю, на следующей неделе вас тоже пригласили для беседы с французским следователем?

– Да, в понедельник, – отвечаю я.

– Это было так давно... Я подумала, может, нам стоит все заранее обсудить? Чтобы, как говорится, всем петь в один голос?

Лара открывает рот, – скорее для того, чтобы согласиться, так как это путь наименьшего сопротивления, – но я перебиваю ее:

– А что, собственно, нам обсуждать? Вечером накануне нашего отъезда она была жива и здорова, а после этого мы ее не видели.

Каро кивает:

– Верно, а затем она уехала в город. – Хмурит брови. – Странно, что Северин вернулась домой; ведь она сказала Тео, что собирается в Париж.

– Вот как? – Я этого не знала.

– А когда она это сказала? – уточняет Лара.

– Наверное, вечером накануне нашего отъезда. Тео тогда с ней долго болтал.

Да, это я помню. Словно сейчас вижу, как они вдвоем лежат в темноте на шезлонгах рядом с бассейном. На животе у Северин стоит стакан с белым вином, а красная точка кончика сигареты чертит регулярные дуги от ее губ к подлокотнику шезлонга. На ней по-прежнему черная льняная туника, но сандалии сброшены с ног и валяются рядом с шезлонгом. Я не хочу смотреть на Себа, вдруг он упивается этим зрелищем. Вместо этого я смотрю на Северин сама. Спустя какое-то время она поворачивает голову и смотрит на меня. Правда, сейчас слишком темно и она сидит слишком далеко, чтобы я могла разглядеть выражение ее глаз. Впрочем, в ее глазах и днем не многое разглядишь...

Я встряхиваю головой. Каро продолжает говорить:

– Просто я подумала, может, нам стоит сравнить наши воспоминания... Учитывая, сколько я тогда выпила, я почти ничего не помню про тот последний вечер. – Сказав это, она смеется высоким, звонким смехом.

– Добавь к алкоголю наркотики, – спокойно говорю я.

Ее смех тотчас обрывается. Она наклоняет голову и пристально смотрит мне в глаза. Лара смотрит то на Каро, то на меня. Мне видно, как на другом конце комнаты Том то и дело оборачивается, проверяя, что там с нами троими. Его легко заметить благодаря его росту и выдающемуся носу. И широким плечам, которые он накачал, спасаясь от летящих под откос отношений с Дженной. Сейчас он, наверное, даже мускулистее Себа.

– Всё в порядке, – говорю я. – Я тогда ничего не сказала, не скажу и сейчас.

Каро быстро кивает. Ее короткий кивок означает если не «спасибо», то что-то близкое к этому.

– Да, безумный был вечерок, – с улыбкой замечает Лара.

– Это точно, – смеется Каро, довольная тем, что разговор сдвинулся с мертвой точки. – Если не ошибаюсь, все закончилось тем, что вы с Томом купались голыми?

Лара хитро улыбается.

– Да, что-то такое помнится... Затем разразилась третья мировая война, и мы, все еще голые и мокрые, пытались всех успокоить. – Она хмурит брови: – Правда, я, хоть убей, не помню, о чем вы тогда спорили. – Она изображает полную невинность.

Я резко смотрю на нее, затем на Каро. На щеках последней горят два красных пятна.

Внезапно рядом с моим локтем появляется Том и машет пустой бутылкой из-под шампанского.

– Каро, скажи, больше такой не найдется?

– Да его там несколько ящиков. Сейчас принесу. – Она выхватывает у него из рук бутылку и быстро растворяется в толпе.

Том строго смотрит на нас с Ларой.

– Разве я не говорил вам обеим, чтобы вы хорошо себя вели? – говорит он и снова проводит пятерней по волосам.

– Ты хочешь, чтобы мы хорошо себя вели? – недоверчиво переспрашивает Лара. – Это Каро опасается, как бы мы ничего лишнего не сболтнули полиции. Например, про наркотики... Может, ты и забыл, что она в сумочке Кейт пронесла через таможенную наркотики класса «А», а вот я этого точно никогда не забуду. Думаю, и Кейт тоже.

Ничего не могу поделаться с улыбкой, которая захватывает большую часть моего лица. Если честно, я не ожидала от Лары такого боевого настроения и в этот момент обожаю ее всем сердцем. Похоже, я ошибалась. Когда дело касается Каро, подозрения возникают даже у Лары.

– Я не забыл, – тихо говорит Том. – Если ты помнишь, я был на нее зол. Но вам нет необходимости вновь щелкать ее по носу. Это было давно, и она извинилась.

– Ага, только на следующий день, – упрямо бормочу я, на время забыв о своем первоначальном намерении быть великодушной по отношению к Каро. – Что касается ее извинений, то им явно не хватало искренности.

Ее так называемое извинение было принято так же, как и принесено, – совершенно холодно и вынужденно.

– Тебе действительно хочется вновь копаться во всей этой истории? – спрашивает Том и в упор смотрит на меня. У меня не получается определить выражение его лица. Но затем его досада испаряется, и он наклоняет голову. Я стою так близко, что мне видны серые крапинки в его глазах. – Да будет тебе, Кейт. Давай не будем ворошить прошлое, – мягко предлагает он.

Я медленно выдыхаю. Он прав. У меня нет ни малейшего желания ворошить воспоминания о том вечере. Но, похоже, те сами крадучись вылезают наружу, без моего согласия. Я извлекаю на свет божий улыбку, чокаюсь с Томом и говорю:

– За настоящее!

– И за Тома, – добавляет Лара. Она тоже чокается с ним и одаривает его улыбкой. – Как здорово, что голос разума снова с нами.

Том качает головой и улыбается ей в ответ, затем обводит взглядом комнату. Толпа гостей заметно поредела. Я смотрю на часы. К моему великому удивлению, уже второй час ночи.

– Пойдемте, – говорит Том, – я развезу вас обеих по домам.

Мы вместе садимся в такси. С точки зрения географии разумнее всего посадить первой меня. Обняв на прощанье их обоих, я выхожу из такси. Машина отъезжает. Я провожаю ее взглядом, а сама мысленно прокручиваю сцену, когда они в чем мать родила принялись разнимать Себа, Каро и меня. Внушительный бюст Лары гипнотически покачивается перед нами, пока Тео не набрасывает ей на плечи полотенце. Он настолько смущен, что его щеки стали пунцовыми, в тон его рыжим волосам. Когда Том выясняет, что произошло, он набрасывается на Каро. Еще ни разу я не видела его таким злым и таким величественным. Удивлена я и тем, что Каро перед лицом его гнева сохраняет столь ледяное спокойствие. Ошарашенная Лара стоит разинув рот. Я же переполнена обидой, яростью и дешевым вином и потому не в состоянии по достоинству оценить эту сцену. В основном – обидой, поскольку Себ считает, что я принимаю все слишком близко к сердцу. Отсутствие поддержки с его стороны сродни удару под дых. У меня в момент отшибает дыхание и дар речи. От неожиданности я теряюсь. И вынуждена посмотреть в глаза правде: между нами все кончено.

Тогда, в разгар ссоры, я почти не замечала Северин; теперь же она полностью завладела моим вниманием. Сидит в сторонке и курит сигарету, равнодушно наблюдая за нами. Докурив, берет свои сандалии и неторопливо идет к себе домой, оставляя за спиной нас и наш хаос. Обливаясь слезами, я, однако, шатаюсь, вхожу в спальню, которую, по идее, должна делить с Себом. Еще полгода – да что там! – еще два месяца назад он увязался бы следом за мной. Но, увы, это уже в прошлом...

Я возвращаюсь в настоящее. Сейчас я тоже лягу спать одна. Себ, по идее, сейчас тоже в постели с женой, хотя и в другом часовом поясе. Кто знает, с кем сейчас спит Каро. Тео... Тео мертв. Северин – тоже, хотя что касается меня, то смерть постоянно отпускает ее ко мне в гости. А Том и Лара вместе в такси.

Глава 3

Утро понедельника. Я уже с головой ушла в «эксельные» таблицы, изучая здоровье – вернее, недостаток такового – моей фирмы, когда мне звонит Гордон Фарроу. Обмен любезностями длится недолго, но, по крайней мере, голос его звучит искренне. Порядочный человек. Даже не зная я того, что Том рассказал мне про мать Каро, если Каро – это среднее арифметическое между Гордоном и

его бывшей женой, честное слово, у меня нет ни малейшего желания знакомиться с ней.

– Так какие у вас планы, Кейт? – спрашивает Гордон. Теперь мы с ним обращаемся друг к другу по имени. Он имеет в виду, кого я наметила на открывшиеся вакансии в его фирме. Я ждала именно этот вопрос и готовилась к нему. Вот только я не совсем готова отвечать на него по телефону в понедельник утром, а не во время ланча во вторник. Тем не менее я выдаю довольно гладкий ответ, типа «у меня уже есть кандидатуры», и мы еще несколько минут обмениваемся репликами на эту тему.

Пока я говорю, в кабинет входит Пол и, ослабив узел на шелковом галстуке, погружается в кресло за своим рабочим столом. Отпивая принесенный в картонном стаканчике кофе, он слушает мою половину разговора, и его светлые брови – скорее, бесцветные, так как их почти не видно, – ползут вверх.

– «Хафт и Вейл»? – спрашивает он одними губами.

Я киваю, а затем мое внимание полностью перехватывает следующий вопрос Гордона, заданный с такой нарочитой небрежностью, что тотчас становится явно: собственно, ради него он мне и звонил.

– Вы не упомянули Доминика Бернса.

– Только не Доминик, – машинально выпаливаю я. Наверное, я поторопилась. Для начала мне следовало выяснить, что на уме у Гордона. Вдруг он во что бы то ни стало задался целью взять его к себе в фирму... Но, увы, слово не воробей. Я вижу, как Пол едва не подавился своим кофе.

– А почему нет? – недоверчиво спрашивает Гордон. – С его опытом он – лучшая кандидатура. К тому же я слышал, что ему надоело сидеть на одном месте, что он хотел бы возглавить серьезный участок работы, попробовать себя в роли главы отдела по работе с частными клиентами.

– Вы собрались на пенсию, Гордон? – спрашиваю я. – Не сейчас, а лет через пять?

Глаза Пола лезут на лоб. Он отчаянно делает мне жесты.

– Боюсь, я не совсем хорошо понял вас, – говорит Гордон, помолчав мгновение.

– Доминик Бернс вовсе не желает возглавить серьезный участок работы. Он метит на ваше место. В качестве соуправляющего.

– Но для этого у него недостаточно опыта, – возражает Гордон.

– Пока – да, недостаточно. Но он амбициозен и через пару лет в вашей фирме решит, что достоин большего. В чем, впрочем, нет большой беды, если вам нужен тот, кому вы вручите бразды правления. Если же нет, то он начнет подыскивать другую фирму, где будет именно такая вакансия, о которой он мечтает. У вас он проработает самое большее три года. – Не в силах усидеть за столом, Пол вскакивает со своего кресла. Судя по тому, как отчаянно машет руками, он приказывает мне замолчать. В противном же случае перережет мне горло. Я игнорирую его и продолжаю гнуть свою линию: – Когда же он спрыгнет с корабля, то прихватит с собой всех ваших новых клиентов, а возможно, также и целую армию ваших молодых, но подающих надежды кадров. – Я показываю Полу палец, жест, который допускает всего лишь одну интерпретацию, и разворачиваю мое кресло к нему спиной. Гордон мне нравится. Я не хочу, чтобы он взял на работу не того человека. – Вы же останетесь ни с чем.

На пару секунд в трубке воцаряется молчание. Затем Гордон подает голос:

– Похоже, вы его неплохо знаете.

– Очень даже. Я работала под его началом у Клиффорда Чанса.

– Интересно... В любом случае вы дали мне пищу для размышлений, Кейт.

Я кладу трубку и разворачиваюсь лицом к Полу. Тот уже стоит у моего стола. На лице его написан ужас.

– Что ты делаешь? – со стоном спрашивает он и одной рукой даже хватается за голову. – Первое правило обслуживающей индустрии: дайте клиенту то, что ему нужно. Этот человек хочет нанять Доминика Бернса. И ты обещаешь ему, что он его получит. Тут даже головой думать не надо.

– Рискованная кандидатура, – возражаю я. – И он должен это знать.

– Неправда! Не должен! Он просто обязан взять Доминика, а нам выписать за это нехилый чек!

Не стану спорить – нехилый чек был бы нам весьма кстати...

Заметив мою слабость, Пол продолжает:

– Кейт, для нас это важно. Ты же только что профукала такой шанс! Зачем тебе понадобилось срывать эту сделку? Если Гордону нужен кто-то конкретный – мы всегда пожалуйста; вот он, тот, кого вы просили. Это же просто, как дважды два!

– Зато он станет сильнее уважать нас, если мы сообщим ему наше честное мнение! – выпаливаю я в ответ, задетая его словечком «профукала». Хотя он, разумеется, прав. – Наши дела не настолько плохи, чтобы я забыла о том, что такое хорошо делать свою работу.

– Если мы в ближайшее время не заключим большой контракт, дел просто не будет. Никаких. – Пол сокрушенно вздыхает.

– Неправда, все не так плохо. – Я поворачиваю к нему экран компьютера, чтобы он видел, что на нем. Пол присаживается на край моего стола и пробегает глазами по цифрам. – Видишь, мелкие контракты держат нас на плаву. У нас еще есть в запасе время. Мы успеем сделать себе имя. В противном же случае «Хафт и Вейл» больше никогда не обратятся к нам.

– Мелкие контракты пока покрывают счета за свет и за принтер, – возражает Пол, – зато ничего не дают лично нам. К чему я уже привык, по крайней мере теоретически. – Он проводит рукой по волосам. Вид у него усталый, что совсем не идет ему, учитывая его светлую кожу. – Вряд ли у меня выгорит дело с тем парнем из Фрешфилдса.

– А-а-а, понятно...

– Вот именно. – Он вздыхает, слезает с края стола и поворачивается ко мне: – «Хафт и Вейл» наверняка отменят ланч.

– Не отменят. – Не согласиться с ним меня вынуждает лишь упрямая бравада. Никто не звонит, чтобы разведать обстановку, если приглашение на ланч, который состоится завтра, остается в силе.

– Вот увидишь, – устало говорит Пол.

Днем мне звонит секретарша Гордона Фарроу: нет, ланч не отменяется, а лишь переносится на более позднюю дату в связи с «командировкой мистера Фарроу». Пол тактично молчит.

* * *

В понедельник я возвращаюсь домой гораздо раньше обычного: вечером у меня назначена встреча с мистером Моданом. Вернее, месье Аленом Моданом, следователем ОРJ, что бы ни означали эти буквы. Смысл их понятен: Модан – детектив-француз. В принципе, я могла бы пригласить его к себе в офис, но я не хочу, чтобы Джулия и Пол об этом знали. Испорченный телефон вскоре превратит оказание помощи полиции в ходе расследования в эвфемизм для чего-то куда более зловещего. И кому тогда нужен хедхантер, да еще подбирающий юридический персонал, если он сам не в ладах с законом?

– Спасибо, что согласились побеседовать со мной, – говорит он, располагаясь в моей гостиной.

– Я не знала, что могу отказаться, – улыбаюсь я, чтобы смягчить резкость.

Модан роется в портфеле. В ответ на мои слова он поднимает голову, и его умное лицо вытягивается в чуть ироничной улыбке. В уголках подвижного рта залегли глубокие морщины. Темно-серый костюм свободно болтается на тощем, костлявом теле. Как ни странно, все эти разрозненные части вместе составляют неожиданно симпатичного мужчину. Я не могу представить британского детектива того же телосложения.

– Выбор есть всегда, не так ли? – говорит он с заметным французским акцентом. – Хотя лично я не счел бы его мудрым. – Модан улыбается и вновь роется в своем портфеле. Наконец он вытаскивает блокнот и быстро перелистывает страницы.

– Чай? Кофе? – предлагаю я, когда затянувшееся молчание, на мой взгляд, делается неловким. Если честно, я предпочла бы бокал вина, что, увы, неуместно, когда вы беседуете со следователем.

– Нет, благодарю, – отвечает он, не поднимая глаз. Наконец поворачивается ко мне: – Заранее прошу извинить меня. Вероятно, я доставлю вам некоторые неудобства, но прошу вас ответить на ряд вопросов. Возможно, вы уже отвечали на них десять лет назад, но такова... как это говорится?... процедура. – Он разводит руки ладонями вверх и пожимает плечами, как будто ищет моего сочувствия: мол, такова процедура. Разве с этим можно что-то поделать?

– Да, это было очень давно, – твердо говорю я. – И я сомневаюсь, что могу хоть что-то добавить. Скорее наоборот. Я уже многое забыла и могу только все перепутать.

Он пожимает плечами:

– Это мы выясним. Согласны?

– Разумеется. Можете начинать. – Он теперь здесь, в моей стране, в моей гостиной. Разумеется, он намерен задать мне вопросы. В свою очередь, я буду вынуждена отвечать на них. И все это время Северин будет искать возможность вновь напомнить о себе. Я надеялась, что после первых нескольких дней, как только я оправлюсь от шока, она оставит меня в покое, – но нет. Она решила задержаться гораздо дольше, чем я предполагала.

– Вон, хорошо. Итак, вы уехали с фермы в субботу шестнадцатого числа?

– Да.

– Все шестеро?

– Да, все. – Шестеро человек на каникулах. На самом деле четверо плюс двое, но не те двое, кого я ожидала. Я думала, что это будем мы с Себом плюс кое-какие друзья. На самом деле же оказалось, что это мы с Ларой плюс Себ и его друзья.

– Вы вернулись в Лондон на машине?

– Да, на моей, – киваю я. Мы планировали взять «БМВ» отца Себа, но там возникли какие-то проблемы. Какие точно, я уже не помню. Остальные довольно грубо отзывались о моей старенькой тачке, пока не выяснилось, что это единственное транспортное средство, которым мы располагаем.

– Понятно. На вашей... – он сверяется с блокнотом, – «Воксхолл Нова». – Снова смотрит в блокнот. – Неужели? – Модан с сомнением смотрит на меня. – Все шестеро? Думаю, вам там было слишком... тесно?

– Четверо. Тео и Том вернулись в Англию поездом. Я высадила их утром на станции, затем вернулась за остальными.

– Ах, Тео. – Модан произносит его имя по-французски, с ударением на втором слоге. – Афганистан, да? Весьма печально. – Его длинное лицо выражает сочувствие, но насколько искренне, трудно сказать. Предполагаю, что он мастер своего дела.

– Да, весьма.

Печально, бессмысленно и еще масса самых разных ощущений, которые я не могу выразить словами. Но даже если б и могла, это ничего не изменило бы. Тео мертв.

– Он был патриот?

– Извините, не поняла?

– Он очень любил свою страну? Всегда хотел стать солдатом? Сражаться за нее?

Я тру рукой лоб.

– Не думаю. Все мы удивились, когда он пошел служить в армию.

Тео не был похож на солдата. Слишком нервный, слишком застенчивый. Лично мне армия казалась этакой взрослой версией интерната для мальчиков. Тео, как известно, ненавидел школу-интернат, в которой учился. Я резко качаю головой:

– Извините, но какое это имеет отношение к...

Модан показывает мне ладонь. У него на все случаи жизни имеется элегантный жест.

– Простите... Да-да, давайте вернемся к делу. Во сколько именно вы уехали с фермы?

Я пытаюсь вспомнить. Я высадила Тео и Тома на станции где-то около девяти. Остальные планировали выехать вместе со мной в половине десятого, но Каро не была готова. Еще одна причина злиться на Каро... Впрочем, после откровений предыдущей ночи мне уже никакая причина не требовалась.

– Э-э-э... где-то в девять тридцать.

Модан кивает и делает отметку в блокноте.

– Машину вели вы?

– Да. Только у меня имелась страховка.

– И вы вели ее всю дорогу? Или кто-то вас сменял? – Его удивление понятно.

Я отлично помню эту дорогу, хотя мне совсем не хочется ее вспоминать. Кондиционера в машине не имелось. Мне было жарко, я устала, была жутко зла и обижена и не хотела ни с кем разговаривать. Каро сидела на заднем сиденье, бледная и притихшая, что было совсем не в ее духе. Я решила, что это дают о себе знать наркотики, которыми она накачалась накануне. Так тебе и надо, со злостью подумала я тогда. Лара, золотистая от загара, после нескольких дней ее любовных кувырканий с Томом напоминала мне довольную кошку. Она почти всю дорогу спала. Себ... Что касается Себа, то я не хочу даже думать о нем и

сглатываю комок.

– Как я уже сказала, страховка была только у меня.

Модан кривит рот и делает очередную пометку.

– Вон... итак, «Воксхолл Нова». Скажите, там, на ферме, были другие автомобили?

– Нет. Мы пользовались лишь моей машиной. – У меня звонит мобильник. Лара. – Извините, – говорю я и спешу отключить телефон. Я перезвоню ей позже. Главное – поскорее закончить этот разговор.

– Вы уверены? А в гараже? Тоже ничего?

– Там был старый «Ягуар», принадлежавший отцу Тео, но мы к нему даже не прикасались. Никто не имел права садиться за его руль. – Ферма принадлежала родителям Тео, но после того, как он умер, они ее продали.

Модан кивает. Очевидно, ему известно про «Ягуар».

– Скажите, в то утро вашего отъезда вы видели мисс Дюпа?

– Нет. – Мои мышцы напрягаются, как будто в ожидании удара.

– А накануне?

– Да, – односложно отвечаю я.

– Это было... привычным? – Выбор слов довольно странный, но, возможно, он просто переводит с французского. – Она часто проводила с вами время в течение всей недели?

Я снова киваю. Полицейский сверлит меня своими темными глазами и молча ждет, когда я что-то скажу. Я вздыхаю: односложными ответами мне явно не обойтись.

– Родители Тео и ее родители были в дружеских отношениях. Обе семьи в течение многих лет проводили вместе большую часть лета. В доме родителей Северин не было бассейна, но родители Тео разрешали пользоваться своим в любое время.

Ага, а вот и Северин ворвалась сюда вместе с потоком слов. В черном бикини, она сидит спиной ко мне на ступеньках бассейна. Ноги по колено в воде. Узкая спина – идеально прямая. Себ, Лара, Каро и я только что приехали, и Тео, который приехал раньше, показывает нам ферму. Внезапно мы застываем на месте. Перед нами бассейн, а у его кромки – девушка.

– Северин! – кричит Тео и бросается к ней. – Не ожидал тебя увидеть!

Она оборачивается, смотрит на нас, затем вылезает из бассейна и, подойдя к нему, трижды целует в щеки, ничуть не смущаясь своего более чем символического наряда. Я не могу оторвать от нее глаз. У нее прекрасные узкие бедра, живот плоский, но мягкий, как у ребенка. Плечи и руки блестят от крема. «Тео, – серьезно говорит она, хотя и с сильным французским акцентом, – я тоже не ожидала увидеть тебя. – Смотрит на нас, словно взвешивая и оценивая. – Я – Северин. Соседка...»

– Вы видели ее каждый день? – спрашивает Ален Модан. Я благодарна ему за вопрос. Он помогает Северин раствориться в воздухе.

– Да. Она приходила к бассейну и часто с нами обедала.

Модан кивает.

– И как она вам? – Его вопрос не совсем мне понятен. Он несколько раз раздраженно щелкает пальцами, пытаюсь подобрать нужное слово. – Ее эмоции, темперамент. Какой она была?

– Она была... – Я умолкаю. Теперь уже я подбираю нужное слово. – Она была... очень сдержанной. Даже если ей что-то и не нравилось, мне это было неизвестно.

– Она была ближе с кем-то из вас, чем с другими? Возможно, она проводила больше времени с Тео, потому что они уже были хорошо знакомы?

– Нет, не с Тео. – Модан резко отрывает глаза от своего блокнота и вопросительно выгибает брови. – То есть особенно ни с кем, – быстро добавляю я.

Его брови так и не вернулись на место, и он продолжает смотреть на меня. Я изо всех сил пытаюсь выдержать его взгляд и не думать о Себе.

Спустя пару секунд француз пожимает плечами и снова смотрит в свой блокнот.

– Она говорила о своих планах после того, как уедет из Дордони?

– Только не со мной. Хотя, по словам Каро, она якобы сказала Тео, что возвращается в Париж.

Модан на миг наклонил голову и задумался.

– Каролин Хорридж? Это она так сказала?

Я киваю:

– На днях.

Он снова что-то помечает в своем блокноте. Его почерк напоминает крошечных паучков, расплзшихся по всей странице.

– Итак. Колодец. Там... как это по-английски? – шли работы?

– Да, строительные работы. – Уфф, наконец-то он спросил о чем-то менее личном. – Родители Тео хотели сдавать ферму в аренду, и им нужно было кое-что доделать в соответствии с требованиями безопасности.

Модан кивает.

– Oui[1 - Да (фр.)]. Огородить бассейн. Засыпать колодец песком.

– Возможно, – говорю я и пожимаю плечами: – Строители действительно огораживали бассейн... – Внезапно до меня доходит смысл его слов. Колодец. Она... о господи, она могла уже лежать в колодце до того, как туда насыпали песок. Перед моими глазами возникает череп, только уже не белый и блестящий. Глазницы полны песка, он сыплется из оскаленного рта. Я ловлю себя на том, что моя ладонь прижата к губам, и я торопливо опускаю ее на колени. – Так вот почему ее не нашли? Я хочу сказать, тогда?

– Мы не нашли ее, потому что искали не в том месте, – просто отвечает Модан и снова буравит меня глазами, я же толком не могу понять их выражение.

– Вы думаете, это сделал ее бойфренд? В смысле, бывший бойфренд?

– Мы рассматриваем разные версии.

– Да, но к нему нужно присмотреться внимательнее, – нетерпеливо говорю я. Внезапно чувствую, что эта односторонняя беседа сидит у меня в печенках. Хотя, с другой стороны, какой еще ей быть? – Ведь за ним уже что-то водилось, не так ли? Северин говорила, что как-то раз даже была вынуждена вызвать полицию.

– Об этом ничего не известно. – Модан смотрит на меня так, будто ждет продолжения моих слов.

Я в растерянности.

– Ничего не известно?

Значит, Северин лгала. Но зачем ей было это делать? Внезапно я знаю ответ. Чтобы придать себе загадочности, соблазнительности. Стать той, из-за кого мужчины в буквальном смысле теряют голову.

– Ничего, – спокойно отвечает Ален Модан. – И ее бывший бойфренд, он делал научный проект, трудился над диссертацией. В июне он каждый день работал в лаборатории, даже по выходным, наблюдал за своими культурами или чем-то... –

Полицейский выразительно машет рукой. – Итак... – Он все еще ждет, что я ему еще что-то скажу. Я же тупо качаю головой. Модан пытается еще раз: – Итак, если колодец был засыпан песком лишь в июле...

Звонит дверной звонок, не давая ему договорить. Он вопросительно смотрит на меня. Я пожимаю плечами и встаю с дивана, чтобы открыть дверь. Я едва могу выпрямиться. Я слишком долго сидела не шелохнувшись.

Еще не открыв дверь, я знаю, что это Лара. Мне слышно, как она роется в сумочке, пытаюсь найти запасную пару ключей.

– Лара, у меня детектив, – быстро сообщаю я, едва приоткрыв дверь, чтобы она не успела шумно поздороваться.

Она испуганно смотрит мимо меня, как будто ей сквозь стену коридора видна гостиная.

– Думала, это завтра, – шепчет она.

– Нет, сегодня. Можешь войти и поздороваться.

– Но я не... я не... – Я недоуменно смотрю на нее. Она набирает полную грудь воздуха и разглаживает подол платья. – Ну хорошо. – Лара входит, бросает быстрый взгляд на себя в зеркало в коридоре и следом за мной идет в гостиную.

Ален Модан встал с дивана и теперь смотрит в окно. Когда мы входим в комнату, он тотчас оборачивается. Лицо его как будто становится каменным. Я не успеваю произнести и пары слов, чтобы вежливо представить их друг другу, как Лара произносит из-за моей спины:

– Это вы.

Я смотрю на нее. Мне не понятны ни сами слова, ни ее тон. Ее щеки вспыхивают румянцем. Она поворачивается к двери, как будто готовясь к бегству. Французский детектив скорее напоминает каменную статую. Я даже не уверена, дышит ли он. Затем, с видимым усилием, оживает и, прежде чем подойти к ней и поздороваться за руку, поправляет рукава костюма.

– Да, Ален Модан.

– Лара Петерсон, – тихо говорит она. – Но вы это уже и так знаете.

Смотрю то на него, то на нее. Ты думаешь, будет тот же? Она имела в виду вовсе не главного следователя.

– Как я понимаю, с моей стороны крайне невежливо не узнать вас с предыдущего расследования, – сухо говорю я, обращаясь к Модану.

Он с улыбкой поворачивается ко мне и вскидывает руку, как будто говоря «это не важно».

– Это было давно. Тогда я только начинал работать в полиции. Один из многих. – Он снова смотрит на Лару, затем отворачивается. Передо мной вновь сухарь-следователь. – Мисс Ченнинг, у вас гостя. Если у меня возникнут вопросы, мы можем продолжить в любое другое время.

– Да-да, хорошо. – Знай я, что гости спугнут его, то заранее договорилась бы, чтобы они пришли пораньше, кисло думаю я. Хотя вряд ли. Чем скорее покончить с этим делом, тем лучше.

Модан поворачивается к Ларе:

– ? demain, мисс Петерсон. До завтра.

– Oui, ? demain, – отвечает она и что-то добавляет, но так быстро, что я не успеваю разобрать. И как только у меня вылетело из головы, что она неплохо говорит по-французски! Ведь она из этих несносных скандинавов, которые знают по десятку языков.

Я закрываю дверь за месье Аленом Моданом и иду вслед за Ларой в кухню. Она уже достает из моего холодильника бутылку белого вина, упорно избегая смотреть при этом мне в глаза.

– Что это было?

Лара наливает два стакана. Два очень больших стакана. Причем уделяет этому занятию гораздо больше внимания, чем оно заслуживает.

– Ничего. Ты на что намекаешь?

– Только не надо. Вы с ним...

– Нет! – Она испуганно поднимает глаза. – Боже упаси!

Я в упор смотрю на нее. Лара первая отводит глаза и делает глоток вина. Я не спускаю с нее глаз, протягиваю руку и беру свой стакан. Она снова спешит отвернуться от меня.

– Лара! – с нажимом говорю я.

– Ну хорошо. – Как я и ожидала, она идет на попятную и наконец поднимает глаза. – Собственно, ничего такого не было. Он... – Лара делает глоток и выпаливает на одном дыхании: – Он не захотел. Сказал, что это нехорошо. Неправильно. Учитывая обстоятельства. – Она краснеет, причем сильно. Такой я ее еще ни разу не видела.

– О господи, – задумчиво говорю я, чувствуя, как по моему лицу медленно расползается улыбка. – Он – то самое загадочное существо. Которое устояло перед Ларой Петерсон.

– Он не... дело не в... Ладно, проехали, – говорит она и морщит свой хорошенький носик. Затем делает невообразимо долгий глоток и печально смотрит на меня. – Оно ведь и сейчас нехорошо. По крайней мере, пока он не закончил расследование. А потом он вернется во Францию.

– Даже не верится, что ты никогда мне об этом не рассказывала. – Я не то чтобы обижена на нее. Просто мне удивительно, как я могла такое пропустить.

Лара виновато опускает голову:

– Как я уже сказала, между нами ничего не было. Вы с Себом только что расстались, и ты помнишь, в каком состоянии находилась. Вот я и не стала

выливать на тебя свое собственное дерьмо.

В кои веки упоминание имени Себа проскальзывает мимо меня. Я выбита из колеи ее признанием. Что еще я пропустила, пока зализывала нанесенные Себом раны? Лара делает еще один большой глоток вина. Я задумчиво наблюдаю за ней. Похоже, отказ француза задел ее не только тогда. Задевает и сейчас. Такой Лары я еще не видела.

Бедный Том, внезапно думаю я.

Глава 4

Мне снится Северин, но не только она.

Она не имеет права присутствовать в моих снах, но разве это ее остановит? Я снова на той ферме и пытаюсь что-то найти. Или кого-то? Но что? Кого?.. Я заглядываю в комнаты. Некоторые из них пусты, некоторые – нет. Какие-то из их обитателей даже не являются частью тех злосчастных каникул, но я почему-то не удивлена их присутствию. Я продолжаю поиски. Каро одна в кухне. На ней белый верх от бикини и красный шифоновый саронг. Когда я прохожу мимо, она поднимает глаза и смеется надо мной. До меня доходит, что я в джинсах и толстом зимнем джемпере, но я знаю, что другой одежды у меня нет. Северин курит в саду. Она что-то с серьезным видом говорит мне, но я ее не слушаю – наоборот, со всех ног бегу к сараю. В джемпере жутко жарко. Я открываю дверь сарая и вижу там Себа. У меня тотчас перехватывает дыхание. На нем длинные пляжные шорты, низко спущенные на бедра. Его волосы светлее, чем у Тома. Они почти золотистые на концах и завиваются сильнее. Его мускулистая голая грудь покрыта загаром, и от нее к животу пролегла дорожка упругих черных волосков. Себ – взрослый мужчина, в то время как его сверстники еще совсем мальчишки. Он, совсем как Каро, окидывает меня с ног до головы своими голубыми глазами, которые вполне могли бы принадлежать Тому, затем усмехается. Это вовсе не добрый смех...

Когда я просыпаюсь, сон никуда не уходит. Он давит мне на виски, примешиваясь к головной боли, которую уже оставили стаканы вина, выпитые за компанию с Ларой. Встать с постели – вернее, всё, что несет с собой

сегодняшний день, – требует невероятных усилий. Затем я представляю, как Пол и Джулия ломают в офисе головы, думая, куда я пропала, и это моментально дает мне необходимый толчок. К тому времени, когда Том звонит мне на мобильный, головная боль уже притупилась, а вот усилия остались те же.

– Ну как? – спрашивает он. Я слышу на заднем плане голоса. Резкие, отрывистые слова. Причем все голоса мужские. Понятно, он сейчас у себя в банке, в зале, где проводятся торги. Том торгует деривативами[2 - Дериватив – договор (контракт), по которому стороны получают право или берут обязательство выполнить некоторые действия в отношении базового актива; обычно предусматривается возможность купить, продать, предоставить, получить некоторый товар или ценные бумаги.]. Сама я нахожусь на Оксфорд-стрит, по пути к потенциальному клиенту. Предполагаю, что шум у него в трубке не меньший.

– Что именно? Только не говори мне, что, разговаривая со мной, ты одновременно не жонглируешь биржевыми ставками.

Он смеется:

– Нет. Я поручил, чтобы это сделали за меня. А поскольку наш разговор записывается, говорю «это была шутка». Ладно, я хотел спросить, как прошел разговор с французским детективом?

– Вообще-то ужасно. – Я оглядываюсь по сторонам, затем снова смотрю на карту в моей руке. Нью-Бонд-стрит – улица большая. Она не могла просто так взять и исчезнуть.

– Это почему? – осторожно спрашивает Том.

– Как бы тебе сказать... Просто мне не хочется думать, что произошло с ней на самом деле. – Мне вообще не хочется про нее думать. Я снова оглядываюсь по сторонам. Как назло, вокруг никаких указателей с названиями улиц. – Господи, где же это? – бормочу я. Заметив что-то отдаленно похожее на указатель, шагаю в его сторону.

– Заблудилась? – спрашивает Том. – И где твое легендарное чувство направления?

– Лара вчера вечером утопила его в вине. Между прочим, сегодня ее очередь беседовать с детективом.

– Знаю. Я разговаривал с ней сегодня утром, – как бы невзначай роняет он. Я останавливаюсь. Лара наверняка дала ему свой номер телефона. – А завтра моя очередь... Послушай, мне нужно закругляться. Тут вроде как наметилось одно соблазнительное дельце. Но я подумал, не хочешь ли ты приехать в воскресенье в Гемпшир на ланч? Мои родители были бы рады тебя видеть.

– Я не против. В воскресенье у меня никаких дел. Звучит заманчиво. – Кстати, так оно и есть. За эти годы я встречалась с его родителями раз пять-шесть, но ни разу не была у них дома. Его отец – весьма эксцентричный джентльмен, а мать – очень милая женщина. – Лара там тоже будет? Или... ой, я забыла, на эти выходные она едет в Швецию.

– Да, я в курсе. – Ага, ему уже известны ее планы на выходные дни. – Я заеду за тобой на машине. Предварительно позвоню в субботу, чтобы уточнить время. – Мне слышно, как кто-то окликает его по имени. – Иду! – кричит Том в ответ, затем говорит мне: – В общем, до субботы.

– До субботы. – Я кладу телефон в карман и снова оглядываюсь по сторонам. Нью-Бонд-стрит там, где и всегда была. У меня же голова по-прежнему раскалывается от боли.

* * *

Воскресенье. Том заезжает за мной в 10.30 на каком-то ретро-автомобиле, белом и приземистом. Видно, что его распирает от гордости. Я равнодушна к машинам, а вот Себ явно ему позавидовал бы. Однако я тотчас ставлю заслон этим мыслям.

– Мне полагается пребывать в благоговейном трепете? – игриво спрашиваю я.

– Продавец обещал мне, что от одного лишь ее вида женщины будут выскакивать из трусов, – невозмутимо отвечает он.

– Я бы рада, но сегодня холодно. Вдруг мне юбку ветер задерет? – Я обхожу машину кругом. Не надо быть знатоком, чтобы с первого взгляда понять, какая

это крутая тачка. – Сколько ей лет?

– Она постарше нас обоих. Это «Тойота 2000GT»... по большей части. Правда, некоторые узлы пришлось заменить, что существенно снизило ее ценность. – На несколько секунд из-за туч выглядывает солнце, его лучи отскакивают от безупречно белой поверхности машины. – Я взял ее сегодня утром. – Разговаривая, Том постоянно улыбается. Затем протягивает руку, открывает пассажирскую дверь и, как бы намекая, двигает бровями: – Могу я предложить вам автомобильную прогулку, мисс Ченнинг?

Я смеюсь и устраиваюсь на пассажирском сиденье.

– Я думала, не дождусь приглашения.

Сиденье неудобное, подогрев работает с перерывами, но из-за туч показывается солнце и не торопится обратно. Солнце, машина, веселое настроение Тома – от всего этого в первые полчаса, пока мы едем по Лондону, у меня кружится голова. Наконец город остается позади, и машина катит дальше по все более и более зеленой сельской местности. Наша болтовня сменяется уютным молчанием.

– Может, поставить музыку? – спрашивает Том, оборачиваясь ко мне; уголки его губ слегка ползут вверх. Я знаю: сейчас что-то последует. – Потому что в таком случае можешь заранее начинать петь. Радио не работает.

– Надеюсь, ты потом поставишь новое?

Он пожимает плечами:

– Не знаю. Это снизит стоимость машины. Но я купил ее не ради вложения денег. Иначе бы не ездил на ней, – сообщает он и слегка прищуривается: – Я всегда мечтал иметь именно такую.

– Думаю, психолог нашел бы, что сказать по этому поводу. Учитывая время покупки и все такое прочее.

– И, наверное, он не ошибся бы, – признается Том с глуповатой улыбкой. – Вообще-то я сейчас сижу за рулем депозита, который скопил для нашего с Дженной дома.

Я невольно смеюсь. Том не спешит составить мне компанию, однако улыбается.

– По-моему, оно даже к лучшему, что ты вернулся в Лондон, – говорю я. – В свою старую квартиру, за свой старый стол на работе... правда, на несколько ступенек выше по служебной лестнице. Скажи, тебе не хотелось остаться в Бостоне?

Он качает головой:

– Бостон великолепен. Но он... так и остался для меня чужим. Возможно, я сам виноват. В мои планы не входило осесть там навсегда. Как только мы с Дженной разошлись, не осталось ничего, что бы меня там удерживало. – Солнце льется прямо в ветровое стекло. Том находит солнечные очки и одной рукой с завидной ловкостью надевает их. – А как твои дела? Что заставило тебя открыть собственную фирму? Тем более когда экономическая ситуация не слишком этому благоприятствует. Я не припомню, чтобы ты упоминала о таком желании, когда приезжала в Бостон.

Я закрываю глаза и, подставив лицо солнцу, упираюсь затылком в подголовник сиденья.

– Ты ведь меня знаешь, – игриво отвечаю. – Такие, как я, никому не нужны.

– Чушь. У тебя оксфордский диплом и лучшее резюме, какое я только читал.

– Небольшое преувеличение. Но в любом случае я не сказала, что меня не берут на работу. Берут. Вот только сама я для нее не подхожу. – Мои глаза по-прежнему закрыты.

– Кажется, я понял, – говорит Том. – Ты хочешь сказать, что больше подходишь в начальники.

– Именно. – Я открываю глаза и, все так же опираясь затылком о подголовник, поворачиваю голову и смотрю на него. Сквозь очки мне не видны его глаза, но я знаю, какие они. У Себа почти такие же, только без крапинок. – Мне надоело, что предпочтение отдается куда более слабым адвокатам лишь потому, что у них нужный акцент и они ходили в нужную школу. – Я слегка морщусь. – Наверное, время от времени я высказывала эти мысли вслух.

– Как узнать уравновешенного северянина? – спрашивает Том и, прежде чем я успеваю ответить, заканчивает за меня: – Он всегда принимает задиристый вид.

Том дразнит меня, но я знаю, что он меня понимает – по крайней мере, частично. Полученное им воспитание при-учило его заглядывать внутрь – например, на Себа, чей отец какой-то там аристократ, маркиз или барон, или граф, точно не помню, – у которого есть поместье и обширные угодья, прилагающиеся к титулу. Том вырос в сельском доме, расположенном в границах этих владений. Дом этот был подарком графа своей младшей сестре – матери Тома, – когда та вышла замуж за ученого без гроша в кармане.

– В любом случае как-то раз один из партнеров сказал мне, что я лучший кандидат в партнеры, каких он только встречал, но если только я не научусь держать язык за зубами и время от времени делать вид, что не замечаю дерьма, то мне никогда не попасть в список возможных кандидатов. Меня обойдут другие.

– И что ты на это ответила? – спрашивает Том.

– Тогда – почти ничего. Я была слишком зла, чтобы вообще хоть что-то сказать. Но потом я подумала и решила, что он прав. В любом случае партнером мне никогда не стать. Это все равно что сыпать всем вокруг соль на раны.

– А тебе не приходило в голову измениться?

– Я могла бы... но только не для той фирмы. Там все было слишком традиционно, слишком консервативно. Я постоянно думала о том, как важно, чтобы тот, кого вы берете на работу, вписывался в ваши рамки. Им с самого начала не нужно было брать меня к себе. Мне кажется, они просто пытались выполнить какие-то требования по составу кадров: женщина, окончила государственную школу...

Том молчит. Я закрываю глаза и поворачиваю лицо к солнцу. Урчание мотора погружает меня в сон. Время растягивается. Я понятия не имею, как долго мы с ним едем.

– Ты так толком и не рассказала мне про свою встречу с детективом, – говорит Том.

Я неохотно открываю глаза. Не хочу, чтобы Северин испортила мне сегодняшний день. Ей не место в этом солнечном свете.

– Рассказывать особенно нечего. Он лишь хотел уточнить, во сколько именно мы оттуда уехали.

– И больше ничего? – спрашивает он довольно равнодушно.

– Нет, – неуверенно отвечаю я, вспоминая наш разговор. Пожалуй, не стоит говорить ему о том, что Лара равнодушна к детективу. Хотя... если Том будет этим задет, может, все-таки стоит?

– Что такое? – спрашивает он, заметив, что я колеблюсь.

– Ничего, – я пытаюсь подыскать отмазку. – Просто... просто он сказал, что, по его мнению, ее бойфренд к этому никак не причастен.

Том кивает:

– Да. Отец Тео сказал мне, что он совершенно ни при чем.

– Модан не был столь категоричен. По-моему, все зависит от того, когда колодец был засыпан песком, – на-хмутив брови, говорю я. – Но ведь им наверняка известно, когда это было сделано.

Том качает головой.

– На этот счет существуют различные мнения, – осторожно возражает он. Его взгляд устремлен на дорогу; глаза скрыты солнечными очками, и мне не видно выражение его лица.

– Это как? Неужели нельзя было спросить у строителей? – У меня в голове возникает картинка с двумя рабочими: обоим за тридцать, судя по виду, родные братья. Оба смуглые, темноволосые, с кустистыми бровями. Помню, как они постоянно косились на нас. Помню недовольство в их глазах и чувство неловкости, какое вселяли в меня их взгляды. Впрочем, я легко представляю себе то, что видели они: богатенькие бездельники, задирающие нос по поводу своей исключительности. «Я не такая!» – так и подмывало меня крикнуть им. Но, увы, я была такая, пусть всего неделю.

– Их пока не нашли. Но, по имеющимся у полиции данным, колодец засыпали песком в пятницу, – говорит Том и смотрит на меня. Странно, но у меня возникает то же чувство, что и во время беседы с детективом: он сверлит меня глазами и как будто чего-то ждет. Я тупо качаю головой. – В пятницу, Кейт, – повторяет он. – Накануне нашего отъезда.

– Но ведь это... невозможно! – Мою сонливость как рукой сняло. – Северин была с нами в пятницу вечером.

– Да я знаю, – пожимает плечами Том.

Я выпрямляюсь на сиденье и поворачиваюсь, чтобы взглянуть на его профиль. Он по-прежнему следит за дорогой.

– Но ведь осталась запись камер наблюдения, сделанная на автовокзале в субботу утром. На ней есть Северин, – с жаром доказываю я. – И водитель автобуса тоже помнит, как она садилась на остановке рядом с фермой. То есть очевидно, что тогда ее никто не запихивал в колодец. – Перед моими глазами возникает череп с грязью, песком, насекомыми. Я энергично встряхиваю головой, отгоняя от себя эту картину. Она отказывается исчезать.

– Я знаю, знаю... – Том убирает с руля руку и поднимает ее ладонью вверх. – Я лишь хочу сказать, что имеются нестыковки. В общем, мутная история, что, как ты понимаешь, не обещает нам ничего хорошего. Скорее наоборот, пока правда наконец не всплывет.

Я по-прежнему смотрю на него. Том чувствует на себе мой взгляд и поворачивает голову.

– Кейт, – мягко говорит он. – Все будет хорошо. Я лишь хотел, чтобы ты представляла себе ситуацию. Но обещаю тебе, все будет хорошо.

Он улыбается. По идее, эта улыбка призвана успокоить меня. Но, увы, мне не видны его глаза, скрытые очками.

* * *

Ланч – сплошное удовольствие. Вернее, он должен быть сплошным удовольствием, но я не могу подавить в себе тревогу. Она прячется под каждой беседой, наполняет собой все паузы. Родители Тома этого не замечают. Главное – сын снова дома, пусть всего на пару часов. Его мать светится счастьем. Отец пытается скрыть свою радость за грубоватым приветствием. Но взгляд Тома то и дело останавливается на мне. Я не могу понять, что означает этот взгляд, и от этого моя тревога только усиливается. Отец Тома щедро подливает нам вина. К тому моменту, когда подают десерт, я украдкой стараюсь пить только воду.

– Как поживает ваша мать, Кейт? – участливо спрашивает мать Тома. – Вы часто ездите на север проводить ее?

– Хорошо, спасибо, – отвечаю я. Сочувственно наклонив голову, мать Тома выслушивает меня. Том очень похож на нее. Это делает меня более откровенной, чем обычно. – Думаю, она счастлива. В прошлом году снова вышла замуж... Боюсь, теперь я навещаю ее не так часто, как раньше.

– Вы не ладите с ее новым мужем?

Я качаю головой:

– Я бы не сказала. – Я слышу собственные слова и пытаюсь поправиться: – Вообще-то он очень милый. Да и отец умер уже давно. – Уже почти десять лет назад. Это известие дошло до меня всего через несколько недель после того, как мы с Себом расстались. – Я рада, что она больше не одна. Но... мне кажется, это все равно уже что-то другое...

Том и его мать смотрят на меня. Я опускаю голову и делаю глоток вина.

После ланча родители Тома даже слышать не хотят, чтобы мы помогли им убрать со стола. Вместо этого они выставляют нас на прогулку по поместью, немного проветриться. Мы взбираемся на невысокий холм. Внезапно перед нами открывается чудесный вид на лужайку и главный особняк. Дом Себа. Вернее, дом его отца.

– Ты бы подумал? – говорю я, глядя на внушительное здание с белыми стенами. Если не ошибаюсь, еще эпохи Регентства. Тут и колонны, и флигели. Окон столько, что я сбиваюсь со счета и начинаю считать заново. – Ты бы подумал, что я побываю здесь? – Я смотрю на Тома, но тот отводит глаза в сторону. – Разве тебе так не кажется? – не унимаюсь я. – Разве б ты не думал, что после того, как ты встречаешься с кем-то целый год, что мог бы поехать и посмотреть, как живет этот человек, когда приезжает домой на каникулы? – Том молчит. Я наседаю на него: – Разве бы ты так не подумал?

– Вряд ли он это нарочно, – уклончиво говорит он. – Не думаю, что он намеренно не приглашал тебя.

– Может быть. – Я нахожу крупный камень и сажусь. Похоже, я слегка перепила. Вспоминаю Каро, тогда, во Франции. Ты ведь наверняка встречалась с лордом Харкортom. Он просто душа! Она по-птичьему буравит меня глазами, готовая наброситься на любые вкусные крошки. Я честно во всем признаюсь. Как? Неужели? – А может быть, и нет.

Том проводит рукой по волосам и вздыхает:

– Послушай, отношения Себа с отцом – вещь сложная. Я уверен, тебя не приглашали вовсе не из-за того, кто ты такая.

– Может быть, – повторяю я. Наклоняюсь, беру пригоршню земли и наблюдаю, как та сыплется между пальцами. – Может быть.

– Прошло десять лет, Кейт, – говорит Том. Резкие нотки в его голосе вынуждают меня поднять голову и посмотреть на него. – Ты когда-нибудь перестанешь травить себе душу?

Я отворачиваюсь. У меня нет слов. Обычно мы с Томом этого не делаем. Мы избегаем «приводить к себе этого слона». Мы можем быть друзьями – при

условии, что обходим острые углы. Должно быть, я действительно перепила, раз нарушила это правило. Вряд ли у него имеется тот же предлог, потому что ему еще вести машину.

Внезапно Том опускается передо мной на корточки.

– Кейт, извини. – Он протягивает руку и поворачивает к себе мое лицо. Его глаза печальны, губы кривятся в горькой усмешке раскаяния. – Только, пожалуйста, не плачь. Я не хотел... это всего лишь... прости меня.

Я судорожно всхлипываю, затем смотрю ему в глаза и пытаюсь улыбнуться:

– А ты – меня. Наверное, мне следует быть сдержаннее.

– Да ладно. – Он встает и бережно помогает встать мне. – Давай я отвезу тебя домой.

Моим щекам холодно там, где только что была его рука. Он берет меня под руку, и мы молча идем назад к его дому.

В машине по дороге домой я засыпаю, не в силах сопротивляться урчанию мотора и алкоголю в крови. Мне снится, что кто-то нежно гладит меня по щеке. Я медленно просыпаюсь. Том ласково смотрит на меня и улыбается. Солнечный день рассыпал по его лицу веснушки.

– Просыпайся, спящая красавица! – говорит он.

В первые мгновения я не могу понять, где я. Мир вокруг меня все еще находится в подвешенном состоянии. На какой-то миг Том – просто Том, а я – просто Кейт, без прошлого и без будущего. Вне всякого контекста.

А затем все вновь становится на свои места.

В понедельник утром мне звонит секретарша Гордона Фарроу, чтобы реанимировать наш опочивший в бозе ланч. Он состоится через два дня. Я бы порисовалась перед Полом, но я уже утратила всякую веру. В любом случае, судя по его виду, еще одной порции разбившихся надежд ему просто не выдержать. Небольшой контракт, на который он так рассчитывал – на который мы оба рассчитывали, – провалился. Пораженческие настроения окутывают его словно холодный, липкий туман. Рядом с ним меня начинает знобить. Я не слишком хорошо его знаю и потому не могу сказать, сколько это продлится. Впрочем, если так дело пойдет и дальше, наверное, так и не узнаю.

Я вновь и вновь возвращаюсь к финансовой «простыне», крошечные клеточки которой содержат мое будущее. Цифры в ней давно не менялись.

Даже ланч с Ларой не способен поднять мне настроение. Мы встречаемся в кафе на полпути между нашими офисами. Как ни странно, она меня уже кое в чем обошла. Перед ней стакан вина со следами губной помады. Мы целуем друг друга в щеку, и я кивком указываю на стакан.

– Отдыхаешь после выходных? – Лара не способна функционировать профессионально даже после капли алкоголя. У нее есть несколько правил, и одно из них – никакого вина за обедом.

Она качает головой:

– Я буду там телом, но не разумом. – Делает глоток вина, ставит стакан, затем берет его снова. – В любом случае мы что-то заказываем? – Снова ставит стакан на стол.

– Конечно. – Мы подзываем официантку и делаем наш привычный заказ. Затем я откидываюсь на спинку стула и смотрю на Лару: – У тебя всё в порядке?

– Конечно, а как иначе, – улыбается она, но улыбка в ее глазах отсутствует, а сама она отводит глаза в сторону.

– Как там Швеция?

– Все так же. У матери новый муж.

– И как он?

– Типичный... швед, – кисло отвечает Лара. – Бородатый. Доброжелательный. Серьезный. Но в целом милый. – Наконец я вижу ее глаза. Они бегают туда-сюда, как будто им больно смотреть в одну точку. – В любом случае как прошел твой уик-энд? Вы весело провели его с Томом?

– Да, все было замечательно, – по привычке отвечаю я и тотчас задаюсь вопросом, а правда ли это. Да, на поверхности все и впрямь хорошо, но у меня такое чувство, будто в глубине затаилось что-то не слишком хорошее. Или же это меня преследует паранойя по поводу того, что Пол готов покинуть наш корабль? Я мысленно встряхиваюсь и снова смотрю Ларе в глаза: – Ну-ка, признавайся честно. Ты весь уик-энд просидела на наркотиках или что-то в этом роде?

– Ну, ты сказанула! – возмущенно восклицает Лара.

– Тогда что с тобой?

– Ничего. Просто я этим утром перепила энергетиков, – признается она, подпирая висок ладонью. – Ты даже не представляешь, какое у меня сердцебиение. – Она взмахом показывает на стакан вина. – Алкоголь ведь депрессант, если не ошибаюсь. Я подумала, что он ослабит действие кофеина.

– Дорогая моя, он лишь его усилит. – Все это было бы смешно, но по Ларе видно, что ей не до смеха. У нее какой-то совершенно лихорадочный взгляд. – Отодвинь свой стакан. Если хочешь, можешь выпить моей воды. Кстати, с чего это ты вдруг перебрала кофеина?

Лара делает долгий глоток из моего стакана и пожимает плечами:

– Мой рейс задержали, и в результате я слишком поздно легла спать, а потом еще долго не могла уснуть. – Она умолкает. Я жду, что за этим последует. В любом случае видно, что она не спешит откровенничать. Кто знает, что чувствует ее вторая половинка. – В аэропорту я наткнулась на Алена. – Она быстро смотрит на меня, затем отводит взгляд.

Алена. Не месье Модана, не французского детектива.

– Какое, однако, совпадение, – замечаю я. – Ты говорила ему, каким рейсом прилетаешь?

– Нет, это была случайная встреча. Он прилетел из дома, проводил выходные на юге Франции. – Лара замечает выражение моего лица и, умоляюще подавшись вперед, кладет мне на руку ладонь: – Да ладно тебе. Неужели, по-твоему, это не может быть совпадением?

– Почему же, может, – соглашаюсь я, хотя сильно сомневаюсь в этом. – И о чем вы говорили?

Она краснеет.

– Ну, ты же знаешь... – Вообще-то я не знаю и вопросительно качаю головой. – Мы просто поговорили. Между нами ничего не было, честное слово.

Честное слово? Теперь мне не дает покоя вопрос, что именно произошло. Ее ладонь все еще лежит на моей руке, в глазах застыла мольба. Я киваю, хотя до сих пор ничего не понимаю. Впрочем, кивка достаточно, чтобы ее прорвало.

– Я знаю, мы не должны, ведь идет расследование и все такое прочее, но ведь никто из нас шестерых не имеет к тому, что случилось, никакого отношения. Мы с Аленом... ну, мы говорили о том, что можем делать, когда все закончится. Что бы нам хотелось делать... – Ее взгляд молит меня о понимании. Но я качаю головой. Я не понимаю. – Ну, ты знаешь, друг с другом...

Я, разинув рот, смотрю на нее. Она стесняется, но глаза ее горят возбуждением. И кофеин здесь ни при чем. Просто ее распирает и она готова разболтать секрет. Господи. Лара вела грязные разговорчики с французским детективом... Я вновь обретаю голос:

– И все это пока вы ловили свои чемоданы?

– Нет, конечно! Мы... пропустили по стаканчику в баре.

– А, понятно. – Черт, как же мне включить на полную громкость колокола, что тревожно звонят у меня в голове? Лара еще ни разу не приходила в такое волнение из-за мужчины. Думаю, она вряд ли обрадуется, когда я похищу ветер из ее парусов. Но это... Я понятия не имею, что именно происходит, но я точно знаю, что ничего хорошего. Я пытаюсь придать голосу равнодушный тон: – Он... спрашивал про Северин?

Она кивает:

– Немного. Не столько про Северин, сколько про ту неделю в целом. Ну, ты знаешь, про нас всех, как мы познакомились, кто с кем был и все такое прочее. Но это не было похоже на допрос, скорее на дружескую болтовню.

– Ну да, на дружескую болтовню в промежутках между виртуальным сексом.

– Кейт! – хихикает Лара. Нет, она действительно на взводе. – Все было совсем не так.

– Хм. – Дружеская болтовня. Об убийстве. Я думаю об Алене Модане и представляю, как за его темными, ироничными глазами работает его мозг, как он, словно крыса в лабиринте, бежит по коридорам, исследуя все потенциальные маршруты. У меня в голове всплывают слова Тома: есть кое-какие нестыковки. Кое-что мутное. – Он говорил тебе, что они выясняют, когда именно колодец засыпали песком?

Лара кивает:

– Он это упоминал. Подозреваю, им нужно поставить галочку в каждой клеточке, но, по мне, это напрасная трата времени и сил, ведь это явно случилось уже после того, как мы уехали. Но они должны это сделать. Судя по всему, даже намерены выяснить, каким паромом мы плыли до Англии, чтобы подтвердить время нашего отъезда с фермы. Так что на него действительно свалилась уйма работы, – с жаром заявляет Лара и поднимает глаза. Это официантка принесла нам наш заказ. – Спасибо.

Я механически жую. Мои мысли заняты другим. Это и месье Модан, и слова Тома, и Северин... Вечно эта Северин с ее загорелой кожей и скрытным взглядом. Она всегда где-то рядом, за краешком поля зрения.

– А зачем ему вообще было возвращаться в Англию? – внезапно спрашиваю я.

– Что? – Лара отрывает глаза от салата.

– Я про Модана. Он ведь нас всех уже допросил. Почему он до сих пор здесь?

– Ах да, он сказал, что у него еще остались вопросы.

– Для кого?

– К кому, – с улыбкой поправляет меня Лара, гордящаяся тем, что говорит по-английски лучше иных англичан. – Вообще-то, мне кажется, к тебе, – отвечает она и пожимает плечами: – Наверное, это из-за меня. Ведь это я прервала вашу беседу.

Значит, еще один допрос. Я тянусь к стакану с вином.

– И, разумеется, к Себу, – добавляет Лара со слегка виноватым видом. – Похоже, он возвращается на этой неделе. – На миг умолкает, затем осторожно уточняет: – Надеюсь, ты не против? Ну, что он будет здесь?

– Как-нибудь переживу. – Мои слова звучат резче, чем хотелось бы. Лара вздрагивает. Мне тотчас становится стыдно. – Извини, дорогая. Я не нарочно. Просто у меня дерьмовая неделя. – Она сочувственно кивает, принимая мое извинение. Мне по-прежнему стыдно, и я задумываюсь над ее вопросом. – Если честно, я затрудняюсь сказать. Наверное, слишком долго старалась не думать о нем и теперь вообще-то не знаю, что думать...

Лара пристально на меня смотрит:

– Может, оно даже к лучшему, что ты его увидишь.

– Может быть, – отвечаю я и делаю глоток вина. – Но только в идеальном мире, а не посередине недели, когда мой бизнес идет ко дну, а меня допрашивают в связи с убийством.

Лара смеется:

– Ты слишком все драматизируешь. Мы – не подозреваемые. Мы всего лишь помогаем расследованию.

– Это как посмотреть.

– В смысле?

– Все зависит от того, когда колодец засыпали песком. Или, по крайней мере, когда засыпали по мнению полиции.

Лара в упор смотрит на меня. Ее взгляд наконец обретает фокус.

– Ты действительно считаешь... Лично мне он ничего такого не сказал... – Она умолкает, затем как будто встряхивает себя. – Но ведь колодец наверняка был запечатан после того, как мы уехали. Строители это подтвердят.

– Разумеется, – с готовностью соглашаюсь я. – Когда полиция их найдет.

– Когда полиция их найдет, – повторяет она и вновь умолкает, пристально на меня глядя. – Ты думаешь, он со мной играет?

– Не знаю, – нехотя отвечаю я, но, если честно, я хорошо помню, как окаменело лицо Модана, когда он снова увидел Лару. – Я думаю... мне кажется, он с удовольствием сделал бы то, о чем вы с ним говорили... – Настала моя очередь краснеть. – Но что бы ты ни сказала ему про нас шестерых, он не может этого «не услышать». И хотя официально это не допрос, наверняка воспользуется информацией, если она поможет расследованию. – Лара задумчиво смотрит на меня, но ничего не говорит. Не знаю, расстроена ли она, а если да, то из-за меня или Модана? – Я лишь хочу сказать: «Ты с ним поосторожнее». – Я протягиваю к ней руку. – Не хотелось бы, чтобы потом тебе это аукнулось.

Наконец Лара берет мою руку и улыбается:

– Знаю. Я буду осторожна, – отвечает она и тотчас спешит сменить тему разговора. Однако мне видно, что половина ее внимания пребывает где-то в

другом месте: то ли она заново переживает словесный секс в аэропорту, то ли мечтает о новых встречах. В любом случае половинка ее «я» беспрестанно твердит Ален, Ален, Ален.

Я подозреваю, что ее представление об осторожности не совпадает с моим.

* * *

Среда начинается ясным солнечным утром, однако холодным и ветреным. В такой день дела могут пойти в любую сторону. Как у меня.

В ресторан я прихожу слишком рано. Наш столик еще не готов. Я неловко устраиваюсь на низком диване у входа и листаю газету, которую явно положили для таких, как я. Экономическая ситуация не улучшается, мелкий бизнес едва барахтается и устрашающими темпами идет ко дну. Я спешу перевернуть эту страницу.

– Кейт?

Я поднимаю глаза и автоматически цепляю на лицо радостную улыбку. Только это не Гордон. Да и голос тоже не мужской.

– Каро! – Я даже не собираюсь скрывать свое удивление и не слишком элегантно поднимаюсь с низкого дивана. На ней безукоризненный темный деловой костюм – с красивыми лодочками он смотрится ультрамодным и ультрадорогим. Ее волосы зачесаны назад и уложены в идеальный узел. Она смотрится именно так, какой я представляла ее в деловом наряде, – то есть шикарно. Мы целуем друг друга в щеку – вернее, делаем вид. – Вот это неожиданность! Ты сегодня здесь обедаешь? – Мне на миг становится страшно, что Гордон пригласил на ланч и ее.

– Нет, я просто пришла по твоему следу, – с хитрой улыбкой отвечает она, замечая растерянность на моем лице. – Успокойся, я просто проходила мимо. Наш офис в двух шагах отсюда. – Все так, именно поэтому Гордон и выбрал этот ресторан. – Я заметила тебя в окно. Как твои дела?

– В общем и целом неплохо. А твои? – Я все еще выбита из колеи. Неужели она действительно заметила меня и решила войти и поговорить?

Каро машет рукой:

– Нормально. Да ты сама знаешь, нескончаемые дела. – Она на секунду умолкает. – Кстати, как прошла беседа с детективом?

– Неплохо. – Я пожимаю плечами: – Правда, нас прервали, и теперь я снова встречаюсь с ним на этой неделе.

– Сочувствую, – говорит Каро, театрально закатывая глаза. – И что он у тебя спрашивал?

– Наверное, что и у всех. Когда мы приехали, когда уехали и все такое прочее. А у тебя?

Каро кивает, правда, слишком быстро:

– То же самое. Кто что и во сколько делал в то последнее утро. И еще про строителей и колодец, и собиралась ли эта девушка уезжать, – отвечает она и, наклонив голову, смотрит на меня и ждет. Мне же не дает покоя вопрос, на какие из ее слов я должна отреагировать.

– Северин, – тихо говорю я. – Ее звали Северин. – Череп с пониманием улыбается мне.

– Господи, у тебя пунктик на этот счет, – с улыбкой говорит Каро, но что-то подсказывает мне, что это лишь маска. – Он показывал тебе записи с видеокамеры?

– Нет, – я качаю головой. – А какие записи? Ты имеешь в виду Северин на автовокзале?

Каро кивает.

– Это не записи, а недоразумение, – говорит она и для пущей выразительности машет рукой. – Там едва можно понять, что это человек. За последние десять лет техника ушла далеко вперед, уж поверь мне. Спасибо водителю, он

запомнил, как она садилась в автобус, иначе бы нас всех ждали крупные неприятности. – Смеется высоким звонким смехом, еще менее искренним, нежели ее недавняя улыбка. Ее смех напоминает мне звон бьющегося стекла.

– Каро, – раздается за ее спиной чей-то мягкий голос. Это прибыл Гордон.

– Папа! – Она поворачивается к нему. На мой взгляд, ее улыбка чрезмерно яркая. – Не волнуйся, я не собираюсь похищать у тебя Кейт. – Он не целует ее, а лишь неловко потирает ей руку. Подозреваю, что в рабочее время поцелуи между ними не приняты, чтобы не раздражать других сотрудников.

– Привет, Гордон, – с улыбкой говорю я. Мы обмениваемся рукопожатиями и заверяем друг друга в том, как рады этой встрече. Кстати, что касается меня, так оно и есть.

– Я лишь заглянула сказать Кейт, что по случаю возвращения Себа у нас будет вечеринка, – говорит Каро отцу. Я ощущаю небольшой триумф по поводу того, что для меня это не новость. Каро поворачивается ко мне: – Он возвращается на этой неделе, и мы опять собираемся нашей старой компанией. Может, на этот раз в ресторане, как ты думаешь?

В присутствии Гордона я демонстрирую свое лучшее поведение.

– Отличная идея, – отвечаю я и думаю, чего бы умного добавить. – Меньше народа, что даже лучше для Алины. Не так шумно.

– На твоем месте я бы об этом не беспокоилась, – небрежно отвечает Каро. Непонятно, что она имеет в виду. То, что Алина, с которой я не знакома, любительница шумных компаний? Или же ей просто до лампочки, как будет чувствовать себя Алина? – Я просто подумала, что это было бы приятное разнообразие, потому что во время вечеринки в честь Тома мы только пили. – Смотрит на часы и морщится: – Ой, мне пора. У меня через пять минут видеоконференция, которая может продлиться до пяти. Вздохнуть некогда. – Закатывает глаза. – Желаю вам приятно провести время.

Я смотрю на Гордона. Тот, в свою очередь, наблюдает за тем, как она выходит из ресторана. Наверное, я ожидаю увидеть в его глазах любовь или гордость или хотя бы симпатию. Но нет. Вместо этого он... Что? Я не могу понять выражение

его лица, хотя он провожает ее глазами чересчур долго. Чувствуя на себе мой взгляд, Гордон оборачивается и поднимает брови.

– Ну что ж, нам тоже пора. – И как будто сверлит меня глазами.

Сделав заказ, мы начинаем деловой разговор, но не конкретно о моем бизнесе, а в общем и целом. О других фирмах и принятой в них практике, о реструктуризации сферы юридических услуг, о слияниях, о которых ходят упорные слухи. Вот те вещи, которые мы с ним обсуждаем. Я жду, когда он перейдет к делу, но тут перед нами ставят горячее, затем десерт, затем кофе, а мы всё еще ходим вокруг да около.

Гордон тянется за сахаром и роняет кубик себе в чашку. Почему-то он уделяет этому процессу больше внимания, чем тот заслуживает. Ну, наконец-то, думаю я, сейчас мы перейдем к делу.

– Итак, – едва ли не официальным тоном говорит Гордон, что звучит странно после столь непринужденного начала. Я чувствую напряжение в его голосе. – Как я понял со слов Каро, вас тоже втянули в это ужасное французское расследование. Вам наверняка это неприятно.

Я растерянно моргаю, совершенно сбита с толку. При чем здесь это?

– Да... разумеется... я рада помочь следствию. Но не волнуйтесь, уверяю вас, это никак не отразится на способности моей компании выполнить контрактные обязательства...

– Нет-нет, – испуганно перебивает он меня. – Я имел в виду нечто совершенно иное.

Я растерянно смотрю на него. Похоже, Гордон слегка смутился.

– Каро довольно болезненно восприняла всю эту историю, – неуверенно говорит он. – Я лишь хотел спросить, а как вы? Только и всего.

– Понятно. – Я смотрю, как он помешивает уже хорошо размешанный кофе, и понимаю, что должна сказать что-то еще. – Это так любезно с вашей стороны.

Прежде чем я успеваю добавить какую-нибудь ни к чему не обязывающую банальность, вроде «со мной всё в порядке, хотя, конечно, это неприятно», прежде чем успеваю заверить его в моем профессионализме, при этом не производя впечатления полного бессердечия по сравнению с его дочерью, которая «болезненно (неужели?) восприняла» появление французского детектива, череп Северин начинает хохотать надо мной, и из одной его глазницы сыплется песок. Я торопливо хватаю мою чашку и делаю глоток кофе.

– Тогда перейдем к делу, – говорит Гордон. Похоже, ему тоже не терпится поскорее завершить эту небольшую интерлюдия.

Я спешу согласиться с ним:

– Да-да, перейдем к делу.

Дело – это то, что я умею. Дело – это то, что мне нужно.

* * *

Из ресторана я возвращаюсь на метро. Пустые клетки финансовой ведомости упорно твердят мне, что в настоящее время такси мне не по карману. В любом случае мне нравится многолюдная анонимность лондонского транспорта. Это дает мне возможность немного причесать мысли. Сколько людей вынуждены делить тесное пространство, и при этом ни у кого не возникает потребности заговорить. Или хотя бы задать вопросы.

А вот Гордон буквально засыпал меня вопросами. Если честно, я даже устала. Когда я вернусь в офис, Пол спросит, о чем меня спрашивал Гордон. Ален Модан тоже задавал мне самые разные вопросы и, похоже, намерен продолжить это занятие. Каро спрашивала, о чем меня спрашивал Модан. Если задуматься, то же самое делал и Том, – по крайней мере, зондировал почву.

Вопросов мне не задает только Северин. Ее темные холодные глаза вынесли свое суждение еще десять лет назад.

Я снова смотрю на финансовую ведомость. Некогда утешительные темные цифры обрели собственную жизнь: они пересекают границу между моими глазами и компьютерным экраном и злобно стучат мне по лбу. Два небольших изменения – вот и все, что нужно, чтобы вердикт сменился от «пока еще на плаву» до «уже на дне». Изменение в налоговом законодательстве, означающее, что крупный платеж уже никак не оттянуть, – и требование хозяина недвижимости, желающего увеличения арендной платы, на что он имеет полное право, если б не сумма, которую кроме как бессовестным сдиранием шкуры не назовешь. Я, конечно, могу оспорить его требование, и я его оспорю. Вернее, я хочу его оспорить, но это будет стоить мне денег, которых у меня нет. Возможно, он подозревает это и потому решил выжить меня. В иных обстоятельствах я бы даже восхитилась его макиавеллиевской хваткой, но в данный момент восхищение в моем рейтинге чувств занимает отнюдь не верхние строчки. Равно как и спокойствие.

Я зарываюсь лицом в ладони, спасаясь от радиации, которую излучает ведомость. В принципе, можно переехать в офис подешевле – например, в мою гостиную, – а можно и вообще куда-нибудь к черту на кулички, в Кройдон или Таиланд. Но что я буду делать одна, без Пола и команды хедхантеров? О каком рекрутинговом агентстве тогда можно вести речь? Ведь то, что я не одна, что у меня есть пусть небольшой, но штат, – это важная часть моего бизнес-плана: цифры внушают уверенность. Но только не цифры в финансовой ведомости.

– Кейт, с вами всё в порядке? – спрашивает Джулия, входя ко мне в кабинет.

Я быстро поднимаю голову и спешу наклеить на лицо улыбку. В одной руке у нее очки, другой она щиплет себя за переносицу. Кстати, почему она не носит контактные линзы, хочу спросить я, но никак не решаюсь.

– Все нормально, – бодро отвечаю я. Наверное, даже слишком. – Просто слегка болит голова – слишком долго сидела перед компьютером.

– Я тут выскочу на минутку за сэндвичем... Вам что-нибудь купить?

– Нет, спасибо. Чуть позже я сама захочу немного размяться.

– Понятно. – Она смотрит на пустой стол Пола и на миг хмурит брови. Затем уходит.

– Джулия, кстати, а какой у Пола график на сегодня? – как бы невзначай спрашиваю я.

Она оборачивается:

– Не знаю. Я думала, он уже на работе. – Ее голосу не хватает уверенности.

– Ммм... – Я постукиваю ручкой по зубам, затем понимаю, что она еще здесь – не знает, можно ли ей уйти или нет. – Всё в порядке, – говорю как можно бодрее. В животе у меня возникает пустота; причем с каждым мгновением она лишь увеличивается в размерах. – Я позвоню ему. Можете идти за своим сэндвичем.

– Хорошо.

Хорошо... Увы, хорошего мало, но я должна продолжать, будто все и впрямь хорошо. Я вздыхаю и в ярости снимаю телефонную трубку. Сейчас пригрожу арендодателю всеми доступными мне исками.

* * *

Ален Модан. Месье Модан. Французский детектив, *investigateur*, *OPJ*, а также любитель нашептывать игривые словечки в идеальное ушко моей лучшей подруги Лары. Ален Модан снова сидит на диване напротив меня, хотя на этот раз мы с ним уютно расположились в уголке «Старбакс», а не у меня в гостиной.

Сегодня у меня дефицит терпения. Я чувствую его внутри себя. Вокруг злокачественной опухоли тревоги по поводу судьбы моего бизнеса бурлит некое бесстрашие. Оно подталкивает меня отбросить все хождения вокруг да около, говорить начистоту и быть готовой смотреть правде в глаза, не бояться худшего и знать, что меня ждет. Прямо сейчас. Наверное, в таком взвинченном состоянии с Аленом Моданом лучше не разговаривать. Тем не менее я сейчас здесь, так же как и он. Мы пьем кофе и обмениваемся любезностями – никаких упоминаний о Ларе – и вскоре переходим к делу.

– Alors[З - Итак (фр.)], – говорит Модан и кладет на стол папку и блокнот.

Он уже снял пиджак, и теперь на нем приталенная бледно-голубая рубашка. Меня же мучает вопрос про его кожу – там, под рубашкой, она такая же нежная, как и на лице? И есть ли под этой безукоризненно чистой тканью заросли волос на груди? Возможно, я думаю об этом потому, что он француз, или же просто пытаюсь смотреть на него глазами Лары. А может, и то и другое одновременно.

Взгляд Модана скользит от блокнота к моему лицу. Я заставляю себя сосредоточиться.

– Я должен довести до вашего сведения новые факты. – Похоже, он горд собой за то, что употребил столь пафосный оборот речи – «довести до вашего сведения».

Я смотрю на папку. В фильмах папка вроде этой – размера, формы, цвета – всегда содержит фотографии, отвратительные кадры с места преступления, застывшие во времени. Тела в неудобных позах, лужи крови под раскрытыми черепами, неживой, остекленевший взгляд. Смерть, увековеченная в веках. Я не хочу заглядывать в эту папку.

– Давайте, – коротко говорю я.

– Вы торопитесь? – спрашивает он, слегка скривив рот.

– Не особенно, но у меня есть работа, и она не ждет. – Я почти смеюсь, когда с моих губ слетают эти слова, хотя, если задуматься, ничего смешного в этом нет.

Модан кивает:

– Разумеется. Итак, мы разыскали одного из строителей месье Касто. Он поднял свою документацию, из которой следует, что колодец был засыпан в пятницу. За день до вашего отъезда.

– Чушь собачья.

– Простите? – Он вопросительно смотрит на меня.

– Чушь. Собачья, – как можно отчетливее говорю я. – У вас есть шесть... – Я резко встряхиваю головой. Тео. – Уже не шесть, шестерых больше не будет, пять человек, которые могут это подтвердить. Пока мы были там, строители занимались забором вокруг бассейна, но я не помню, чтобы они даже близко подходили к колодцу. Документация неверна, а ваш строитель лжет. – Бесстрашие бьет из меня фонтаном, я пытаюсь сдержать его струю.

Впрочем, Модан непробиваем.

– Это было давно, – соглашается он. – И месье Касто считает, что работы с колодцем выполнил его брат. Он не помнит, чтобы занимался им сам.

– А что говорит его брат?

– Мы пока еще не смогли поговорить с ним. У него... – Модан подыскивает нужное ему слово. – А, вспомнил, miel, медовый месяц. Я правильно выразился? – Я киваю. – Он в походе. В Гималаях. – Полицейский кривит губы, словно в его глазах блуждания по Гималаям – не лучший способ провести медовый месяц.

Папка по-прежнему лежит на столе. Он так к ней и не прикоснулся.

– В любом случае у вас есть пять человек, которые утверждают, что колодец не был засыпан. Почему вы уделяете этому столько внимания?

Он слегка выгибает бровь:

– Наша работа – быть тщательными во всем.

– А как же водитель автобуса? – не унимаюсь я. – Он ведь запомнил Северин.

Модан смотрит на меня, и его длинное лицо не выражает ничего, кроме привычной настороженности.

– Водитель автобуса помнит лишь то, что рядом с фермой в автобус села молодая девушка и доехала до станции. По его словам, на ней были темные очки, а волосы скрывал красный шарф.

Я вижу Северин: она курит сигарету в конце сада и быстро разговаривает по телефону. Утро, еще свежо, но примерно через час солнце победит эту свежесть. Северин в своем неизменном строгом черном бикини, на голове тюрбаном закручен красный шифоновый шарф. Она стоит спиной ко мне, и, когда жестикулирует рукой с зажатой в ней сигаретой, мне видно, как движутся ее худые лопатки. Эта сцена жутко напоминает мне пятидесятые годы – гламурные кинозвезды в огромных солнечных очках, отдыхающие на Французской Ривьере. В этот момент, сама не знаю почему, мне страшно хочется, чтобы ее здесь не было. Более того, чтобы ее не было никогда. Но сегодня, разговаривая с Моданом, я лепечу:

– Да, это была Северин.

Он пожимает плечами – странное, несимметричное движение, как будто его конечностями управляет кукловод. Наверное, это неудобно, но только не Модану.

– Возможно.

– Возможно? – Я вопросительно смотрю на него.

Он снова пожимает плечами – сначала правым, затем левым.

– Возможно.

– А как же видеозапись с автовокзала?

Модан протягивает руку к папке и протягивает ее мне:

– Regardez-vous. Пожалуйста, посмотрите.

Я беру ее у него и, заставляя себя дышать, открываю. Внутри папки действительно лежит фото: зернистая картинка, не столько черно-белая, сколько разных оттенков серого. Посреди того, что, по идее, является площадью перед автовокзалом, виднеется нечто похожее на стройную девичью фигурку. Голова ее обмотана шарфом, или же это такая шляпа. Она стоит рядом с большой сумкой.

Я неуверенно поднимаю глаза на Модана:

– Это та самая запись?

Модан поднимает два пальца. Этот быстрый жест как будто одновременно говорит: «мы старались» и «с'est la vie».

– Это самое четкое изображение, какое нам удалось получить.

Я снова смотрю на фото. Возможно, Каро слегка преувеличила – это все-таки человеческая фигура. Но в целом она права: картинка ни о чем не говорит. Я продолжаю вглядываться в фото, как будто это цифровой снимок и ему требуется пара секунд, чтобы приобрести резкость. Однако размытые очертания так и не складываются в четкую картинку. При этом мои мысли вертятся вокруг одного и того же: колодец, шофер автобуса, видеозапись. Колодец, шофер автобуса, видеозапись. Что-то одно из них противоречит остальным – колодец, шофер автобуса, видеозапись, что-то одно...

Я подталкиваю папку назад Модану и внезапно спрашиваю:

– Почему вы до сих пор здесь?

– У меня есть несколько вопросов...

– Да, но почему вы до сих пор здесь? В этой стране? – перебиваю его я. – Я знаю, что от вас требуется тщательность. Но вы ее уже проявили. Вы говорили со всеми нами. Тогда что держит вас здесь? У вас есть пять человек, видевших ее живой в пятницу вечером. У вас есть водитель автобуса, по словам которого похожая на нее девушка в субботу села в его автобус. У вас есть картинка этой самой девушки на автовокзале – кстати, с сумкой. Все это довольно четко указывает на то, что после того, как мы уехали, она еще была жива. – Моя дерзость прорвалась наружу, и теперь ее не унять. – Но вы по-прежнему здесь, и мне непонятно почему, – если вы только не ищете предлог провести в Англии еще какое-то время, подстерегая в аэропортах Лару и ставя под удар свою карьеру... – Полицейский быстро отворачивается и пробегает пальцами по волосам, затем пристально смотрит на меня. Я же отказываюсь сдаваться: – Или же вы нам не верите. Я права? Вы считаете, что мы все пятеро лжем, ведь так? Что на самом деле мы не свидетели, а подозреваемые?

Тут я резко умолкаю. Из моей дерзости вышел дух.

Модан пару мгновений смотрит на меня с каменным лицом. Я не сомневаюсь: он думает, как ему поступить со мной дальше. Затем его лицо смягчается.

– Мисс Ченнинг, – вкрадчиво говорит он. – Это нелегко. Это всегда нелегко. Убийство... *alors*, это очень неприятная вещь. Никто не хочет много думать о таких вещах, потому что это тяжело, это больно и печально. Никому не хочется расстраиваться. Но чтобы найти, кто это сделал, мы должны провести расследование и мы должны задавать вопросы. – Он делает один из своих элегантных жестов – поднимает руку ладонью вверх, как будто приглашая меня положить сверху мою. При этом губы его складываются в сочувственную улыбку. – Итак... *s'il vous plait*[4 - Пожалуйста (фр.).]... мы можем продолжать?

Я пару секунд выдерживаю его взгляд. Мне не видно, что происходит за этими темными, пронизательными глазами. Но я знаю: он умеет это делать лучше, чем я. Лучше, чем кто-либо другой. Внезапно я чувствую себя совершенно обессиленной.

– Продолжайте, – устало говорю я. – Задавайте ваши вопросы.

* * *

Я знаю, что должна вернуться в офис, однако не спешу. Ведь что ждет меня там? Пустое кресло напротив и такая же пустая финансовая ведомость. Вместо этого я бесцельно брожу по улицам. Вскоре ноги приводят меня на многолюдную Риджент-стрит. Туристы-иностранцы определятся с первого взгляда: они увешаны фотоаппаратами, белые носки подтянуты, на ногах удобная обувь. Но что в середине дня делают на этой торговой улице остальные? Это студенты? Или они работают по ночам? Да и работают ли вообще?

Интересно, что буду делать я, когда наконец закрою свою фирму? Вряд ли мне светит карьера в области права. Я не уверена, что смогу убедить какую-нибудь адвокатскую контору, чего мне на самом деле хочется. Я и сама этого толком не знаю. Наверное, я могла бы устроиться в другое рекрутинговое агентство, но после провала моего начинания репутация моя будет подмочена. Может статься, что какое-то время я вообще буду сидеть без работы. Я уже не говорю про ту

работу, которая мне нравится. Правда же такова, что та, которая мне нравится, в данный момент ускользает от меня.

Я захожу в магазин «Френч коннекшн», но тотчас выхожу назад. Тут слишком людно, да и вообще я сейчас не в том настроении, чтобы даже смотреть на одежду, не говоря уже о том, чтобы ее примерять. Иду дальше вдоль улицы. Мне видно, как мое отражение перемещается из одной витрины в другую – этаким призраком в темном брючном костюме, незаметно скользящим мимо манекенов, уже заранее нарядившихся в летнюю коллекцию. Наверное, я могла бы... уехать. Купить билет на самолет и улететь куда-нибудь, где пыльно и жарко, зато расходы на жизнь – сущие гроши. Поставить крест на карьере и пойти официанткой или барменши – на любую работу, отбросив гордость и амбиции, которые прилагаются к оксфордскому диплому и в плену которых вы со временем оказываетесь.

Звонит мой мобильник. Номер скрыт. Я колеблюсь, мне не хочется возвращаться в реальный мир, но телефон продолжает настойчиво трезвонить. Я вздыхаю и нажимаю зеленую кнопку:

– Кейт Ченнинг.

– Эй, привет! Это Том. Как твои дела?

– На полпути в Южную Америку.

Полсекунды в трубке висит тишина.

– Ты серьезно? – неуверенно спрашивает он.

– Нет, конечно. Это просто мечты. Неудачный день.

– В таком случае я покупаю себе билет рядом с тобой. Для меня тоже неудачный день. – У него и вправду измученный голос. – Не хочешь чуть позже выпить и посочувствовать мне?

Я колеблюсь.

– Боюсь, из меня сегодня кошмарный собеседник, – предупреждаю я.

– Из меня тоже, – мрачно говорит он. – Почему бы нам вместе не набраться, вместо того чтобы отравлять кому-то настроение?

– О господи! – И куда только подевался спокойный, уравновешенный Том, которого я знала. – Что случилось сегодня?

– Потом объясню, – лаконично отвечает он.

Не иначе как Том сейчас на работе. Интуиция подсказывает мне: все эти статьи про плохую экономическую ситуацию и сокращение штатов в ведущих банках... Вряд ли его фирма настолько глупа, чтобы сначала согласиться на его перевод из Бостона в Лондон, а затем уволить. Правда, я знаю: банки могут быть очень даже глупы, да еще как!

– Надеюсь, тебя не уволили? – спрашиваю я.

– Нет, в отличие от других.

– О господи... – Представляю, какая там атмосфера в зале, где проходят торги. – Моя фирма, похоже, окончательно загнулась, так что в моем лице ты имеешь идеального собутыльника, если тебе хочется залить скверное настроение чем-то покрепче. В семь часов в том же пабе, что и раньше?

– Заметано. – Он секунду молчит, а потом спрашивает: – А что, она и вправду загнулась?

– Ага, – смело отвечаю я. – И спасет ее только чудо.

На том конце линии слышится вздох.

– Как жаль... Мое искреннее тебе сочувствие, Кейт. – Похоже, сочувствие Тома и вправду искреннее. Я мгновенно проникаюсь к нему благодарностью.

– Знаю. Мне тоже жаль. В смысле, твою ситуацию. – Да и мою тоже.

– По крайней мере, один из нас все еще получает свой чек, – грустно шутит он. – Сегодня плачу я. По крайней мере, один раз я точно смогу тебя накормить и напоить.

– Не стану возражать. Увидимся в семь.

Я нажимаю на кнопку отбоя и поднимаю глаза. Передо мной в витрине с купальниками маячит мой собственный призрак, и пока я смотрю на него, улыбка постепенно сползает с его лица. Обещание новой, совершенно иной жизни по-прежнему рядом, достаточно протянуть руку. Но прежде чем я увижусь с Томом в семь, мне нужно сделать кое-какие дела.

Я возвращаюсь к себе в офис.

* * *

Я не смотрю ни на финансовую ведомость, ни на пустое кресло Пола. Вместо этого занимаюсь электронной почтой и решительно делаю те звонки, которые должна сделать. Мною движет не столько боевой дух, сколько мрачный фатализм. У нас все еще есть несколько контрактов, и мы должны их выполнить – вовремя и со вкусом. Чтобы никто потом не сказал, что фирма «Ченнинг и Ко» пошла ко дну по причине своего непрофессионализма.

– Вам звонят из фирмы «Хафт и Вейл»! – кричит мне Джулия.

Пару секунд меня так и подмывает сказать ей, чтобы она сама ответила на их звонок. Я давно жду, что Гордон позвонит мне – сказать, что контракт уходит к моим конкурентам. Лишний гвоздь в крышку гроба мне ни к чему. С другой стороны, зачем оттягивать неизбежное?

– Соединяйте, – говорю я Джулии.

В следующее мгновение передо мной гудит телефон. Я в спешном порядке драпирую губы улыбкой.

– Добрый день, Гордон. Как ваши дела?

– Спасибо, хорошо. Вам удобно говорить?

– Абсолютно. Выкладывайте, что у вас. – Выкладывайте. Ну, по большому счету, уволить он меня не может, потому что не нанимал меня, но все равно этот произвольный черный юмор меня забавляет. Надо будет потом рассказать Тому. Я уже вижу, как вокруг его глаз собираются веселые лучики морщин.

– Я звоню, чтобы сказать вам, что вчера вечером заседал рабком. – Рабком – это рабочий комитет фирмы «Хафт и Вейл». Какое бы рекрутинговое агентство ни порекомендовал им Гордон, окончательное решение за ними. Хотя в целом это довольно формальная вещь. – Мы решили отдать этот контракт фирме «Ченнинг и Ко». – Мой собеседник делает паузу, но у меня, как назло, отшибло дар речи. – При условии, конечно, что мы придем к соглашению по поводу окончательной документации.

Я выпрямляю спину и обретаю голос:

– Что ж, большое спасибо. – Силюсь изобразить профессиональную невозмутимость, как будто контракты с фирмами вроде «Хафт и Вейл» плывут ко мне в руки каждый день. Одновременно я чувствую, как опухоль тревоги моментально начинает растворяться, словно таблетка соды в воде. Да! Да! Да! – Это приятное для нас известие. Я... я очень рада его слышать. Думаю, вы легко можете себе это представить. Рада и... если честно, удивлена.

– Мы подумали и решили, что нам требуется новая кровь. – Я «слышу» в его голосе улыбку. Моя честность ему по душе. – Думаю, мы с вами отлично сработаемся.

– Я тоже очень на это надеюсь, – искренне говорю я. – И с нетерпением жду начала нашего сотрудничества.

– В этой связи я уже поручил составить контракт. Он довольно стандартный и содержит условия, которые мы уже обсуждали. Прислать его вам?

– Да, это было бы идеально, – говорю я и, секунду помолчав, нахально добавляю: – Правда, я бы хотела, чтобы вы ежеквартально делали авансовый платеж. – Если он согласится, фирме «Ченнинг и Ко» банкротство не грозит. Если же нет, то первые три месяца придется немного помудрить с

бухгалтерской отчетностью, прежде чем поступит первый платеж. Я ловлю себя на том, что по-прежнему сижу, затаив дыхание.

– Не вижу никакой проблемы. Просто внесите нужные вам поправки.

Да! Приятная щекотка распространяется на все мои конечности. Ноги в буквальном смысле дрожат от волнения.

– Хорошо, так мы и поступим, после чего как можно быстрее отошлем его вам. Хотелось бы, не теряя времени, взяться за дело.

– Отлично. Будем оставаться на связи.

– Абсолютно. И разрешите еще раз поблагодарить вас за это совершенно фантастическое известие.

Я кладу трубку и обеими руками трогаю пылающие щеки. Мои ладони чувствуют, как по лицу распространяется блаженная улыбка. Я смотрю на пустое кресло напротив.

– Джулия!

– Что? – отзывается она из внешней комнаты.

– Он наш! – Я с ликующим видом поворачиваюсь в кресле.

– Кто он?

– Контракт! – Я вскакиваю с кресла и направляюсь к ней. Она тоже уже по пути ко мне. Мы сталкиваемся в дверях. – «Хафт и Вейл»! Он у нас! – Я ловлю себя на том, что прыгаю от радости.

– Фантастика!

Джулия машинально хватается меня за руки и начинает прыгать вместе со мной. Судя по тому, какой радостью светится ее лицо, я невольно задаюсь вопросом, а

не вынашивала ли она планы последовать примеру Пола.

В следующий миг открывается уличная дверь и внутрь с бумажным стаканчиком латте в руках входит Пол. Содержимое стаканчика капает на пол; он сыплет проклятиями и косо смотрит на нас с Джулией. Мы все еще продолжаем прыгать, а наши лица светятся глуповатыми улыбками до ушей.

– В чем дело? – Пол швыряет протекающий стаканчик на стол Джулии и удивленно смотрит то на меня, то на нее. – Что случилось?

– Он наш! – воркую я. – Он наш! Он наш!

– Контракт с «Хафт и Вейл»? – настороженно спрашивает Пол. – Правда?

Я, сияя улыбкой, киваю ему.

– Ни фиги себе! – буквально рычит он. – «Хафт и Вейл»! Круто!

Затем обнимает нас за плечи, и мы все трое скачем козликами и цветом глупыми улыбками. Я должна запомнить эти мгновения, думаю я. Причем в мельчайших подробностях. Я просто обязана их сохранить. Никогда не знаешь, сколько таких моментов будет в твоей жизни.

Глава 7

Подходя к бару без нескольких минут семь, я уже пьяна. Пьяна главным образом от волнения и радости, но также и от шампанского, которое сбегал и купил Пол и которое мы выпили прямо в офисе. Расположившись прямо на полу, Пол, Джулия и я ели чипсы и пили шампанское из кофейных кружек. Пол время от времени качал головой и с широкой улыбкой повторял: «Хафт и долбанный Вейл!», при этом глядя на меня с чем-то очень похожим на уважение. Когда Джулия наконец встала и ушла, чтобы успеть на свой поезд, она была вся порозовевшая и едва держалась на ногах. Мне же подумалось, что если дело у нас заладится, то эту историю мы будем вспоминать еще долгие годы: анекдот о том, как фирма «Ченнинг и Ко» праздновала свою первую крупную победу.

Но вот теперь я, будучи слегка подшофе, стою в дверях паба и снова ищу взглядом Тома. На этот раз замечаю его за столиком. Он явно сидит здесь уже довольно долго, потому что успел осушить треть пинты пива. Кроме того, на столике стоит нечто похожее на водку с тоником. По всей видимости, это для меня. Внимание Тома приковано к его телефону. Кстати, он успел подстричься. На какой-то миг это выбивает меня из колеи – с короткими волосами его лицо кажется резче и старше. Оно какое-то... другое

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Да (фр.).

2

Дериватив – договор (контракт), по которому стороны получают право или берут обязательство выполнить некоторые действия в отношении базового актива; обычно предусматривается возможность купить, продать, предоставить, получить некоторый товар или ценные бумаги.

3

Итак (фр.).

4

Пожалуйста (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/elliott_leksi/francuzhenka-po-sosedstvu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)